

НОВЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Олег КУЛАГИН

РУССКИЕ СУМЕРКИ.
КЛЯТВА ТРИКСТЕРА

Олег Кулагин

**Русские сумерки.
Клятва трикстера**

«ЭКСМО»

2015

Кулагин О. П.

Русские сумерки. Клятва трикстера / О. П. Кулагин — «Эксмо», 2015

ISBN 978-5-699-76046-6

Доигрались... Опутавшая планету сеть мю-коллайдеров вошла в резонанс, и на Земле наступила эра Сумерек. Человечество разделилось на обычных людей и «высших» – получивших невероятную силу упырей. Теперь они истребляют «слабых» в рамках программы «Чистое будущее». На территории России особо зверствует клан Питерских. Им противостоят бойцы Невидимой Армии и трикстеры, ходоки в Зоны за бесценными артефактами. Трикстер Глеб Гордеев получает задание доставить в Центр секретный груз, способный спасти тысячи обреченных в Зоне № 9...

ISBN 978-5-699-76046-6

© Кулагин О. П., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

Пролог	6
Часть 1. Огненная река	17
Глава 1	17
Глава 2	24
Глава 3	31
Глава 4	42
Глава 5	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Олег Кулагин

Русские сумерки. Клятва трикстера

© Кулагин О., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

*Рухнул мир, сгорел дотла.
Соблазны рвут тебя на части.
Смертный страх и жажда зла
Держат пари.
В темноте рычит зверье —
Не видно глаз, но все в их власти!
Стань таким, возьми свое.
Или умри!
Будь наготове,
Всюду рыщет стража!
Линия крови
Путь тебе укажет...*

Песня группы «Ария»

Пролог

...Огромное тело еще трепыхалось. Когти загребали землю. Но мутноватый зрачок уже невидяще застыл.

Второго зрачка не было – там чернела рана. След от моего выстрела.

Андрюха Демин первым осмелился подойти ближе. Пнул убитого псевдоволка ногой. И удивленно протянул:

– Ли-ихо ты его!

– Разрывная пуля, – усмехнулся я, стараясь успокоить громко колотившееся сердце. А Серега Гилевич глянул на зверя с показным равнодушием:

– Одиночка – старый и больной. Вон шкура – совсем седая...

«Угу, больной. Легко ему теперь рассуждать! Сам-то до сих пор топчется у деревьев – боится выйти на открытое место».

Все случилось за считанные секунды.

Псевдоволк выбежал на нас из-за кустов, у самой опушки. Вряд ли учуял, вероятно, у него и впрямь были проблемы со здоровьем. Пару мгновений смотрел, словно что-то пытаясь понять, а мы ошалело таращились в ответ.

Потом он бросился.

Но я уже успел достать «грач», отцовское наследство. И нажал спуск два раза. Первая пуля сшибла листву в зарослях черники.

Вторая – оказалась точной. Псевдоволк рухнул, будто наткнулся на невидимую стену – когда нас разделяло не более пяти шагов...

Все закончилось так быстро. Но у меня в памяти до сих пор ясно маячила его оскаленная пасть, его взгляд – в то, решающее, мгновение...

Я повертел «грач» в руке и вдруг вспомнил, что пуля, которая уложила зверя, была предпоследней. А если б я промазал?

– Спрячь пистолет, *трикстер*¹, – усмехнулся Андрюха. – Теперь не страшно... – Ему пятнадцать, на год взрослее меня, и ко всему в жизни он давно привык относиться философски.

– Ты-то почему не стрелял?

Когда увидели зверя, Демин успел сорвать с плеча свой «калаш» с единственным патроном. А потом опять небрежно закинул за спину.

– На фига тратить боезапас? Все и так отлично обошлось... Трофеи забирать будем?

– Какие еще трофеи? – выдавил я.

– Сразу видно, не охотник. Можно шкуру снять, между прочим, за нормальную – дают сорок баксов. Но у этого она какая-то облезлая... Доставай нож, отрезай ему уши!

– Чего?

– Говорю, твой трофей!

– Да пошел ты... – буркнул я сквозь зубы.

Андрюха беззлобно покачал головой и достал свой тесак из ножен на поясе:

– Тогда заберу себе.

– На фига? – сморщился Серега.

– Оставлю на память, а нет – толкану. Пять баксов на дороге не валяются!

Отрезанные уши он аккуратно уложил в полиэтиленовый пакет и спрятал в рюкзак.

Больше мы не теряли время – сразу двинулись напрямик через поле.

Первый раз шли этим путем, но не заблудились, выбрались точно на старую грунтовку. Правда, сейчас она едва угадывалась – наверное, последняя машина проехала тут еще до Суме-

¹ *Трикстер* – от *англ.* *trickster*, дословный перевод – «ловкач».

рек. Густая трава успела подняться над разбитой колеей, а ноги то и дело проваливались в невидимые колдобины.

– Может, лучше в обход, к шоссе? – предложил Серега, рассмотрев у обочины чьи-то обглоданные кости.

– По шоссе, середь бела дня? – засмеялся Андрюха и добавил с иронией: – Не ссы, псевдоволки тут редкость. Это просто Глебу повезло.

Я промолчал, угрюмо изучая спину Демина, – он пер впереди, как бульдозер, ничуть не сбавляя шага. Ясно, почему такая спешка. Небо туманилось близким дождем, а до поселка – еще семь километров.

– Поднажмем – проскочим, – буркнул Андрюха, задирая голову. И ошибся.

Дождевые струи хлынули на нас прямо посреди поля. Мы достали из рюкзаков пленки, но те слабо помогали – трава тут по пояс, и штаны сразу промокли.

Идти стало тяжело, скользко. Но какое-то время мы упорно топали вперед.

Ведь должен когда-нибудь закончиться этот дождь!

Минута за минутой тянулись в однообразной серой пелене...

– Пора отдохнуть, – наконец решил Андрюха.

– Где, прямо здесь? – усмехнулся я, обходя большую лужу.

– Не надо здесь. – Он махнул в сторону оврага. – Рядом есть заброшенная ферма.

Мы одолели еще метров сто, чавкая ногами в раскисающей целине, потом перебрались через заболоченную низину, взойшли на холм...

«Ферма» оказалась горами битого кирпича, между которыми кое-где возвышались над травой бетонные блоки.

– Говорил, отлично знаешь эти места? – хмуро напомнил Серега.

– Все меняется, – скривился Андрюха.

А ветер усиливался – становился не по-летнему холодным, пронизывающим. Косые струи дождя барабанили по пленкам. Вода уже свободно проникала через залепленные скотчем дырки...

– Идем назад? – спросил я.

– Привал, – сухо объявил Демин.

Мы сбились в кучу под одиноким деревом, присели, кое-как укрываясь пленками от ветра. Все – смертельно усталые и голодные. Солнце еще не взошло, когда ранним утром мы пересекли периметр и возвращаемся из Зоны только под вечер. Одна радость, что не порожняком!

– Глеб, у тебя остались сухари? – уточнил Андрюха.

– Ты третий раз об этом спрашиваешь.

– Извини... наверное, башка не варит с голодухи.

– А у меня есть яблоко, – признался Серега.

– Давай сюда!

Крупное, но кислое и твердое, будто камень, яблоко разрезали тесаком на три части. Кое-как прожевали. Только помогло это слабо – скорее наоборот. В животе у меня заурчало, и есть захотелось еще сильнее.

– А помните, как мы обнаружили армейский склад? – некстати вздохнул Серега.

Вот балбес! Нашел о чем вспоминать...

Месяц назад это было. Одноэтажное здание сторело дотла, часть его обрушилась, часть – заросла *фиолетовой плесенью*. Но под развалинами совершенно случайно мы нашли деревянный ящик – обугленный... Зато полный жестяных банок с тушенкой!

До сих пор помню ее вкус...

Кажется, не ел ничего аппетитнее последние лет пять – еще с начала Сумерек. Но думать об этом сейчас – почти мучительно.

Проклятое сознание ярко, в мельчайших деталях рисует волшебный фантом. Полная тарелка картошки, напитанной жиром, перемешанной с кусочками мяса. И запах...

Запах...

– А что вам нравится больше – говяжья или свиная? – с садистской дотошностью не унимался Серега.

– А что тебе понравится – в зуб или в ухо? – процедил Демин. Не выдержал, поднялся, разминая ноги. И вдруг выпалил:

– Смотрите, огонь!

Мы удивленно повернули головы. В той стороне, куда он указывал, правда что-то маячило. Вроде освещенное окошко – где-то далеко во мгле дождевых сумерек.

– Там люди живут? – робко удивился Серега.

– А по-твоему, это псевдоволки решили заселиться? До Сумерек здесь была богатая деревня, – Андрюха мечтательно прищурился. – Вот где мы отдохнем! Еще и перекусим!

– Чего ты гонишь! В округе – ни одного живого села...

– Говорю же – все меняется. Ну что, идем? Отсюда шагов триста, не больше.

Я скептически нахмурился:

– А с чего ты взял, что там кто-то будет тебя кормить?

– А вот это ты видел? – засмеялся Демин и помахал у меня перед носом бумажкой в десять долларов, – хватит на высококалорийный обед?

– С какого перепугу такая щедрость?

– Да очнитесь вы, детки, у нас *товара* – реально на пять штук баксов! Неужели не зарабатывали хотя бы на сытную кормежку?

Я вздохнул:

– Вот именно – *товар*...

– Что?

– То самое.

Андрюха сморщился. Он, конечно, и без меня понимал – таким кушем не рискуют. Предыдущие разы наша добыча не тянула даже на пять сотен. И то находились клиенты, мечтающие ею поживиться...

А сейчас у нас и патронов не осталось.

– Ладно, – кивнул он, – спрячем на ферме. Место спокойное, глухое. Отсюда, кстати, и до поселка километра два. Можем вообще тут все хранить, пока не найдем хорошего покупателя...

Об этом мы говорили еще по дороге. Обычно весь *товар* сразу сбывали Цыпе – не слишком дорого, зато быстро. Но раньше нам так не фартило. Тридцать процентов от пяти штук – это уже о-го-го! Слишком жирно, чтобы делиться с посредником. За такие деньги мы и сами найдем скупщика!

Вернулись к развалинам.

Укрылись за обломком бетонной стены. Выложили *товар* из рюкзаков, аккуратно упаковали его в пластиковый пакет, пакет положили в большую жестяную коробку – обычно Демин хранил в ней патроны. Сверху завернули все в еще один кулек и зарыли в груды кирпича. Рядом я закопал антикварный кинжал в отделанных золотом ножнах: мой персональный трофей – тот, что я лично выхватил из *желтого тумана*, рискуя остаться без руки.

– Порядок? – нетерпеливо спросил Андрюха.

– Угу.

Теперь со спокойной душой можно идти греться и сушиться. А может, правда, удастся погреться?

Ориентир – освещенное окошко – так же маячил в дымке.

Мы двинулись вперед бодрым шагом. И даже не сразу сообразили, что Серега не топает следом.

Оглянулись и увидели, что он до сих пор одиноко переминается под деревом.

– Эй, ты чего?

– Ребята, – тоскливо выдавил Гилевич, – у меня чуйка... Не надо туда ходить!

– Дерьмо, а не чуйка...

– Не надо!

– Вот задолбал! Ты – *трикстер* или ходячая аномалия?

Серега страдальчески скривил веснушчатую физиономию. Но с места не двинулся.

Там, за периметром, его обостренная осторожность уже не раз спасала нам жизнь. Только столбы периметра остались в десяти километрах за спиной. А нашего товарища, видимо, до сих пор колотит...

Так бывает, когда слишком долго торчишь в Зоне.

– Эй, – подмигнул Андрюха, – сделай вдох и оглянись по сторонам. Что видишь?

Гилевич растерянно заморгал.

– Дождик, травка, – подсказал Демин, – заметь, нормальный дождик, после которого кожа не слазит клочьями. И травка – нормальная, не та, что хочет попробовать тебя на вкус. Мы вернулись, понимаешь?

Серега слабо кивнул.

– Вот и расслабься. Лови фарт, *трикстер*!

Гилевич шмыгнул носом. И наконец-то заковылял к нам.

– Эх, салаги... – добродушно прищурился Демин, – я ж эти края знаю лучше, чем задницу Люськи-продавщицы. Со мной не пропадешь!

Я криво усмехнулся.

Уже втроем мы спустились в низину.

В сущности, наш «бригадир» сказал правду – это можно признать, несмотря на все наши терки. До Сумерек у него была тут куча родни. Так что места ему точно знакомы. И здешнюю Зону он успел истоптать куда активнее большинства доморощенных сталкеров.

Раньше бы даже у Гилевича не возникло малейших сомнений в нашем вожаке. Но в конце мая без того малочисленная бригада уменьшилась на два человека.

С тех пор и пошло все наперекосяк...

– ...Твою мать!

Чавкнула грязь под ногами. Я едва не упал, поскользнувшись на невидимом камне.

– Под ноги смотри, – безмятежно отозвался Андрюха – только что он сам миновал эту лужу и даже не покачнулся.

Я смерил взглядом его спину, обтянутую грязной пленкой, – крепкий, на целую голову выше меня. Рукастый, ловкий. И башка у него варит...

Хорошо иметь такого в компаньонах. Чего ж мы с ним постоянно ругаемся?

Как говорит Гилевич – нет в этом логики...

Ведь если рассуждать логически – кто тогда заставлял Равиля и Никиту соваться в Призрачную Башню? Сами решили по-быстрому разжиться *пестрой лентой*. А что Андрюха? Он всего лишь не стал им мешать. Да, честно предупредил, что бывает с теми, кто сунется в окутанную маревом многоэтажку, – но все-таки не остановил...

Тут наши понятия расходятся.

«Это, – говорит, – было их право – рискнуть!»

Придурок...

И сегодня пошутил – мол, слабо тебе сгонять в *желтый туман*? Не слабо! Жаль, разъело рукав куртки... Но в артефактах и аномалиях я все равно разбираюсь лучше! Даже Гилевич с его хваленной чуйкой – тот еще эксперт...

Я оглянулся и с раздражением заметил, что третий член «бригады» опять едва плетется следом.

– Не отставай!

Очертания деревенского «особняка» уже выросли из дождевой пелены.

... – Привет, хозяева! – Андрюха вежливо постучал в светившееся окно.

Ни звука не долетело в ответ.

– Эй, есть кто дома?

Есть, конечно, есть – по ту сторону запотевшего изнутри стекла и плотной занавески.

Вон и трава примята, и в почти новенький тазик собирается стекающая с крыши влага...

Почему же никто не отзывается?

Испугались? Ну, пусть хоть в окно глянут – не очень мы и страшные.

Там, внутри – тепло, сухо... И все, что нам надо, – немножко этого тепла.

Бр-р... Чуть унявшийся дождь нахлынул новой неудержимой волной.

Мы торопливо обежали вокруг, поднялись на покосившееся крыльцо. Андрюха забарабанил в облезлую, давно не крашеную дверь.

Никакой реакции.

– А чтоб им! – в сердцах он сорвал с плеча «АКМ».

– Эй, ты чего? – удивился я. Глупо так тратить последний патрон!

– Ничего! – буркнул Демин, замахиваясь на дверь прикладом.

В эту секунду она открылась.

Щелкнул отодвигаемый засов, и кто-то внимательно посмотрел из полумрака.

– Не бойся, свои! – подмигнул Андрюха, поигрывая автоматом.

– Добрый день! – отозвались изнутри. Голос оказался мягкий, вкрадчивый.

– Извините за беспокойство, – как можно вежливее сказал я, – а мы тут ковыляли мимо, попали под дождь...

Я жадно втянул носом воздух – внутри пахло дымом и чем-то съестным. «Это мы вовремя зашли!»

– Да, сегодня отвратительная погода... – Дверь распахнулась шире, и я наконец разглядел хозяина.

На пороге стоял обросший щетиной неопрятный мужик – худой, долговязый, чуть сутуловатый. Или он просто пригнулся, оттого что дверной косяк был почти вровень с его макушкой?

– В дом не приглашишь? – оскалился Андрюха.

– Конечно, пожалуйста! – кивнул хозяин и отступил, пуская нас внутрь. Радужно улыбнулся – только взгляд был колючий.

– А вы из Зоны возвращаетесь?

– С чего ты взял? – буркнул Демин, сбрасывая в прихожей мокрую пленку. – Мы что, похожи на идиотов?

– Нет-нет! – верзила торопливо замотал головой.

– Из Сурска идем, работали там на лесопилке.

– Ага, нормальное дело.

– Да уж, не то что по Зонам шариться, жизнью рисковать! Только лесопилка закрылась, вот и решили вернуться в поселок. Ты на автомат-то не смотри, мы – ребята мирные. Это просто чтоб всякая сволочь не цеплялась.

Я уточнил:

– А у вас в деревне – тихо?

– Тихо, – кивнул хозяин, – живем на отшибе, – и грустно добавил: – У нас тут вообще спокойно...

«То есть было спокойно – до нашего визита». Мне стало его жаль. Судя по облику и манерам – хозяин из беженцев, как все мы. И, очевидно, горожанин, непривычный к деревенскому быту. Вселился в пустующий дом, кое-как наладил скудное хозяйство, а тут явились три юных отморозка с автоматом.

Грязные, наглые... Со стороны, не тянем на *трикстеров* – скорее на банду мародеров.

– Да вы не бойтесь, мы ненадолго. Дождь пересидим – уйдем.

– Конечно! – кивнул Андрюха и принялся. – А поесть не найдется? – он важно уточнил: – Хотелось бы жареных трюфелей и баранины под земляничным соусом!

– Трюфелей?

– Да расслабься! Шучу, – хихикнул Демин, присаживаясь в кресло, и достал из кармана десятку баксов, – тащи, что есть. Мы заплатим!

...Тусклое сияние окутывает многоэтажку – сквозь этот муторный свет ее очертания размыты. Она колыхается, как мираж. А вершина вообще скрыта белесой дымкой. И потому неясно, сколько этажей уходит к низким, свинцовым облакам.

Неясно, насколько тянется огромная трещина вдоль фундамента – дальняя сторона Призрачной Башни всегда затянута мглой.

Лишь изредка вспышки молний очерчивают ее силуэт. В эти мгновения угловатое здание бывшего офисного центра смахивает на огромную колонну, подпирающую небесный купол. И кажется, что она не была создана людьми, что она всегда была частью этого проклятого места.

Какого лешего мы здесь делаем?

На хрена маячим так близко к подрагивающему, будто живому, фасаду?

Пора уходить!

Я хватаю товарищей за плечи – и цепенею, как замороженный. Потому что ясно, как наяву, разбираю голоса – оттуда, из Призрачной Башни: «Не бойся, Глеб... Иди к нам!»

Холодный озноб ползет по спине. Я затыкаю уши, но голоса не умолкают. Никита и Равиль – это ведь их силуэты маячат там, в окне?

«Не бойся. Здесь так хорошо, тихо... Иди к нам, Глеб!»

Я хочу крикнуть. Хочу попросить прощения за то, что так и не смог их остановить.

Но им уже все равно, я знаю.

Они продолжают звать – безмятежными, не ведающими сомнений голосами.

А значит, остается только одно – я осознаю это с мучительной ясностью. И вслед за вожакom бригады делаю шаг – вперед, к фасаду Призрачной Башни...

...Не-е-т!!!

Вместо крика – глухой стон рвется из груди.

Вместо окутанной сиянием Башни – чернильно-плотная тьма...

Б-р-р-р! Холодно!

Почему так холодно и темно? Почему болят руки и невозможно ими толком шевельнуть? А голова гудит, будто колокол...

Мысли спутаны, как моток грязной бечевки. Сон и явь – перемешались, будто картинки из виртуального «шутера». Но я все же вылавливаю последнее реальное воспоминание: мы сидим за столом – расслабленные, веселые. Едим вкусный, горячий суп. Заедаем его настоящим сыром. Андрюха просит добавки, и высокий худой мужик ласково шурит: «Хорошо. Только надо подождать...»

А потом...

Что было потом?

Я вздрагиваю. И, наконец, осознаю, что лежу на чем-то жестком, холодном – кажется, на бетоне. Пытаюсь встать.

Не получается!

Что у меня с ногами?

И руки... Почему они так неудобно заведены за спину?

Я что... связан?!

– Андрюха-а!!! – сиплый неузнаваемый крик вырвался из глотки.

Рядом кто-то застонал.

Я дернулся, опять пытаюсь подняться, – веревки на запястьях больно врезались в кожу.

– Глеб... – слышался из темноты слабый голос. – Это ты?

– Ага...

Какое-то движение слева. Я повернул голову. И уловил злое бормотание Сереги:

– Вот же хрень!

То есть мы все в сборе. Все трое – неизвестно где.

– Называется, поели супчика...

Что-то звякнуло рядом. И Андрюха хрипло матернулся:

– Гребаный мудака! На цепь меня посадил – я что, ему собака?! Вот же тварь!..

Я растерянно кашлянул, вспоминая тощую, смиренную физиономию хозяина. Все это не укладывалось в голове – будто нелепый розыгрыш. А Серега вдруг отчаянно заорал:

– Эй, помогите!!!

Неизвестно, кого он звал в мертвой деревне, за пару километров от ближайшего поселка. Но, так или иначе, нас услышали.

Вспыхнул свет – тусклая диодная лампочка, в тот миг показавшаяся ослепительно яркой. Я отчетливо увидел бетонный подвал высотой чуть меньше трех метров и около четырех – в длину и ширину. На стенах угадывались следы – вероятно, от стеллажей, на которых прежние хозяева хранили продуктовые запасы и всякое барахло.

Сейчас барахла не осталось. Только голые стены. И мы трое – на дне каменного мешка.

Я успел рассмотреть бледные, испуганные лица товарищей и крепкую стальную цепь на щиколотке Андрюхи. Успел подняться, опираясь на стену связанными руками.

А через секунду со скрипом распахнулся деревянный люк в потолке. Оттуда, из проема, выглянула спокойная физиономия. Тот самый – высокий, тощий. Накормивший нас охрнительно вкусным супом.

– Ты что творишь, гнида?! – ощерился Андрюха. – Ты знаешь, что за такие дела...

– Да все будет нормально, – усмехнулся хозяин. – Не надо за меня переживать.

– Помогите!!! – опять крикнул Серега.

Хозяин вздохнул и поставил в проем деревянную лесенку. Сам спустился вниз. В руках у него – объемистый пластиковый таз. Поверх одежды – грубый резиновый фартук, на руках – перчатки...

У меня в груди шевельнулся холодок, но тощий верзила еще не казался особо страшным – скорее нелепым в таком прикиде. «Зачем это? На фига ему фартук?»

– Нас будут искать, – хрипло выдавил Серега.

– Не будут, – качнул головой хозяин. – Для всех – вы просто сгинули в Зоне.

Поставил таз на пол. Легко схватил щуплое тело Сереги и за связанные ноги подвесил его головой вниз – на торчавшем из потолка стальном крюке.

Пластиковый таз оказался точно под Гилевичем – у самой головы.

– Не трожь его, урод! – выпалил Андрюха.

А Серега успел крикнуть:

– Помогите!!! – но лезвие ножа в руках тощего слабо сверкнуло, отразив электрический свет, и крик оборвался. Широкая красная полоса перечеркнула горло нашего товарища.

Гилевич захрипел. Струйка крови хлынула в аккуратно подставленный таз. Подвешенное тело судорожно дернулось. И почти сразу обмякло. Лишь несколько капель долетели до фартука хозяина...

Я зажмурил глаза, оседая на пол, царапая связанные руки о бетон.

Не хотел, не мог видеть. Зато отчетливо слышал – как хрип утихает, как кровь журчит в тазу.

– Эх, детки – бесстрашные, наглые. А сами такие наивные, – словно откуда-то из удушливой тьмы долетел голос – гнусавый и чуть укоризненный.

– Тварь, – всхлипнул Демин, – гребаный отморозок!

Удары сердца бешеной дробью отдавались в висках.

Очень хотелось проснуться. Вырваться из наваждения – как вырвался из Призрачной Башни, ожившей в моем бреде.

Только проснуться не удавалось.

В тусклом свете лампы я опять увидел плавно качавшееся тело Сереги и худого верзилу, присевшего на ступеньку лестницы. Кажется, он ждал, пока кровь стечет в таз. И буднично, безмятежно размышлял вслух:

– Все имеет свою цену – особенно ошибки. А если нет мозгов – нечего шастать за *товаром*. Надо сидеть возле мамы и папы.

– У нас нет ни мамы, ни папы... – прошептал Андрюха.

– Давишь на жалость? Глупо, – качнул головой хозяин. – Нынче слабых не жалеют, каждый думает только о себе... – шагнул к бездыханному телу Сереги и деловито начал срезать с него одежду.

– Что... что ты творишь?

Хозяин не ответил.

И молча вспорол голое тело ножом.

Я оцепенел, чувствуя, как тошнота подкатывает к горлу. И все равно, будто загипнотизированный, смотрел на высокую фигуру с паучьими длинными руками.

А он быстрыми, уверенными движениями потрошил Серегу Гилевича – будто тушу на бойне. Отвратительные влажные звуки наполнили подвал.

– Видите, до чего легко? Проще, чем свежевать баранов. Главное, твердая рука и практика... Регулярная практика.

Какие-то красноватые комки полетели в пластиковый таз.

– А дальше – по прейскуранту. Почки – двести пятьдесят, печень – триста баксов, – он с сомнением повертел в руках коричневатый комок. – Нет, эта – паршивая... Может, возьмут хоть за сотку? – швырнул Серегину печень в таз и скупое усмехнулся: – Рынок диктует цену. Даже бесполезные соплики вроде вас на что-нибудь годятся.

Из кармана фартука он достал белую пластиковую бутылочку и вылил ее содержимое в заполненный таз.

– Нановзвесь, – объяснил будничным тоном. – Дорогая, целых двести баксов за бутылку. Но раз нет стерильности – по-другому не выйдет!

– Ты... – прохрипел Андрюха. – Ты...

– Что я? Всего лишь деловой человек.

– Ты – не человек!

Хозяин засмеялся. Спрятал бутылочку в карман и вздохнул с легкой грустью:

– В том-то и дело, что самый обыкновенный. Представляете, до чего обидно? Мое время, мой шанс – то, о чем с детства мечталось! По всем понятиям и убеждениям мне надо быть с ними – с *высшими*. А долбанные хромосомы решили иначе.

– Ты... хуже, чем мутанты!

– Это вам только кажется – в силу личной заинтересованности. Конечно, было бы красивее отнимать жизнь мановением руки. Но, – он взмахнул окровавленным ножом, – и по старинке кое-чего можно добиться! Кстати, куда вы дели *товар*?

– Мы вернулись порожняком, – сипло отозвался Андрюха.

– Зачем врать? В вашей ситуации – бесполезно.

– Ты ведь... в любом случае нас не отпустишь?

– Конечно, – тонкие губы хозяина изогнулись в леденящей усмешке, – но есть один нюанс... – он хлопнул ладонью по обезображенному телу Сереги. – С вашим другом получилось быстро. А можно все делать медленно...

«Мясник» шагнул ближе, нависая огромной угловатой тенью. И вкрадчивым шепотом добавил:

– Очень медленно... И очень больно!

...В подвале опять темнота. Хозяин забрал таз, поднялся наверх. Он дал нам десять минут на размышление – пока будет расфасовывать «потроха», укладывая их в ледник.

Сердце уже не колотится, а едва-едва трепещет – будто я сам почти мертвый.

Рядом звякнул цепью Андрюха – как через вату долетел его слабый голос:

– Прости меня, Глеб...

– За что?

– Это я виноват, я вас сюда привел. Дерьмовый из меня бригадир. И *трикстер* дерьмовый... Равили с Никитой тогда не остановил – знаешь почему? Накануне мы сильно поругались...

– Перестань, – прошептал я.

Разве теперь что-то изменишь? Из окружающей тьмы, будто наяву, передо мной опять всплыл силуэт Призрачной Башни – как наше проклятие...

Все мы так и не успели стать *ловкачами*.

Ведь для этого мало знания даров и ловушек Зоны. Таких сведений даже отморозок может нахвататься. Или обычный наемник на службе корпорации – из тех, кто любит щеголять кличкой «сталкер».

Нет, дело совсем в ином – и потому не каждому под силу. Ведь, чтобы стать настоящим *трикстером*, сперва надо стать настоящим человеком – так когда-то объяснил мне отец...

– ...И за *желтый туман* прости – за то, что все время тебя подначивал...

Господи, о какой ерунде он болтает. Я проглотил комок в горле и тихо сказал:

– Андрюха... Неужели конец?

Он умолк – на целую минуту. Бесконечно долгую минуту длилась гробовая тишина. Пока он опять не вздрогнул, звякая цепью:

– Ползи сюда! Ближе...

Я придвинулся на его голос. И в темноте он пнул меня ботинком. Что, спятил от страха?

– Эй, ты чего?

– Каблук мой щупай – там, сбоку...

Я развернулся к нему спиной, пошевелил связанными руками и таки ощутил под пальцами что-то твердое – наверное, острую, чуть зазубренную кромку подковки.

Самую малость она выступала сбоку каблука. Но... клянусь Зоной, этого вполне достаточно, чтоб пилить, рвать об нее веревку!

Да! Да!

Через пару минут – руки свободны. Еще немного – и перерезаны путы на щиколотках.

Теперь освободить Андрюху!

Цепь... Проклятая цепь! Она тянется к кольцу – тому, что намертво вделано в бетонную стену. И стальной браслет на щиколотке – тоже не открыть.

– Без толку, – шепчет Демин. – Уходи!

«Как так – уходи?» – застываю я.

– А ты?

– Добежишь до поселка, кого-нибудь приведешь – хоть Карася и Цыпу! Пообещай им долю «товара»...

Наверное, он прав. Вот-вот вернется «мясник»-хозяин. И что я с ним сделаю голыми, пусть и свободными, руками?

Нашупываю в темноте лестницу и нечаянно касаюсь подвешенного тела Сереги. Вздрагиваю, словно от удара током: «Еще теплый...»

Но разводить сопли не имею права. Проворно взбираюсь по лесенке – хорошо, что «мясник» ее не убрал.

– Глеб, – вдруг долетает снизу отчаянный шепот, – только не бросай меня, пожалуйста. Поклянись, что вернешься!

– Даю слово...

– Слово *трикстера*?

– Да!

Осторожно щупаю крышку люка.

Не заперто!

Угу, хозяин ведь ненадолго отошел...

Бережно ее приподнимаю, и все равно раздается предательский скрип. Я цепенею, затаив дыхание. Аккуратно откидываю крышку.

Кругом сумрак, но можно понять, что комната наверху – вроде чулана. Какое-то старое тряпье по углам, древний комод, заставленный кастрюлями. А главное – есть окошко! Маленькое, но вполне достаточное для моих габаритов...

Я выбираюсь из люка. И ступая на цыпочках, крадусь к окну: «Только бы не оказалось наглухо заколоченным!»

О, черт! Окно держится на согнутых гвоздях.

Я до крови прокалываю пальцы, пытаюсь отодвинуть их вбок.

А за дверью уже раздаются шаги – все ближе и ближе!

Проклятие!

Я, как загнанный волчонок, оглядываюсь по сторонам. В чулане негде укрыться. И нечего использовать в качестве оружия – разве вон ту разделочную доску? Сумею я вырубить ею «мясника» с одного удара?

Дергаюсь за доской к комоду и цепенею на полпути: «Нет!»

А дверь в чулан со скрипом начинает открываться...

И я сжимаюсь в углу, зарывшись в кучу старой, провонявшей нафталином одежды. Закрываю глаза – словно это поможет стать невидимым.

Что-то гремит – там, у самого входа. Вроде бы «мясник» взял эмалированную кастрюлю. И опять захлопнул дверь.

Это кажется чудом – но он даже не глянул в мою сторону. Не заметил распахнутой крышки подвального люка!

Я вскакиваю, озираюсь. Мне нужно хоть что-то – тонкое, твердое, чтоб бесшумно поддеть гвозди на окне. И я замечаю в углу край металлической таблички – он торчит из-под старой шубы.

Хватаю табличку. «ЛИПЕЦКГОРГАЗ» – написано там крупными черными буквами. Да хоть «горнефть»!

Поддеваю гвозди – один за другим.

Аккуратно открываю окно. И ужом выползаю наружу, кувыркаюсь в мокрую траву.

Вскакиваю, бегу под косыми струями, не разбирая пути. Падаю в грязь и опять поднимаюсь, петляю по кустам. Скатываюсь в канаву, ползу...

А изувеченное тело Сереги до сих пор, как наяву, маячит перед глазами. И тяжелая поступь «мясника» мерещится за спиной.

Я прихожу в себя только метров за пятьсот, когда проклятый дом скрывается в дымке. Уже вечереет, ранние сумерки опускаются на мертвую деревню. Я стою за околицей – дрожащий от слабости, промокший до нитки.

И четко осознаю: пусть я без роздыха буду лететь до поселка – все равно не смогу ничего изменить. Даже если уговорю Караса и Цыпу на рискованную экспедицию. Даже если их машина не застрянет в грязи...

Туда, обратно – минут сорок раскисшими дорогами.

Элементарно не успею!

Тоска, как глухая боль, охватывает от этой мысли. И такое острое чувство беспомощности, что ноги сами подгибаются. Я сажусь прямо у обочины – едва не в лужу.

Значит, ничего нельзя сделать.

Разве что вернуться – прямо сейчас... От этой мысли сперва обдаёт жаром, потом холодом.

Что я могу – в одиночку?!

Слезы текут по щекам, смешиваясь с дождевыми каплями.

Только одно не дает разрыдаться. Лишь одно придает силы под этим чугунно тяжелым небом. «Я ведь поклялся... Я дал ему слово!» – гулко, неумолимо стучит в висках, заставляет стиснуть кулаки и зубы.

И я поднимаюсь с земли...

Часть 1. Огненная река

Глава 1

Чей-то нудный голос ворвался в сон:

– ...Сегодня у нас в гостях глава издательского дома «Русский воротила», главный редактор журнала «Гламур» Андрей Мысков.

«Проклятый телевизор...»

Я перевернулся на другой бок и с головой накрылся одеялом. Но голоса все равно долетали из соседней комнаты:

– ...Андрей, хотелось бы поговорить с вами о таком понятии, как «высшие», о том, что оно значит в нашей жизни...

– Сразу замечу – мне не нравится этот термин! От него за версту разит мутантофобией.

– Даже так?

– Рассуждая вульгарно, если есть «высшие», значит, большинство оказывается «низшим»? Отсюда вытекает непонимание, даже неприятие... Отсюда рукой подать до злобной клички «цупыри»!

– Хм-м... А какое бы название вы предложили взамен?

– Думаю, наиболее точный термин – «креативный класс»...

Я вздохнул. Возникло сильное желание вскочить и вырубить на хрен «зомбоящик». Но я знал, что тогда сон точно убежит, развеется без остатка. И опять полдня придется бродить с тяжелой головой.

«Нервы – ни к черту...»

– ...хотелось бы пояснить термин. Все мы знаем, какую особую роль сыграли Сумерки в становлении современной посттоталитарной России...

– Андрей, а как вы относитесь к точке зрения, что Сумерки до сих пор продолжаются?

– Вздор! Они длились максимум год-два. А может – и считанные месяцы. И сейчас, вот уже полтора десятилетия, мы живем в практически нормальной стране.

– Но ведь... миллионы погибли? И до сих пор слабо заселенными остаются целые районы...

– Знаете, все эти разговоры о какой-то трагедии отдают дешевым популизмом! Ведь кто умер в первую очередь? Те, чей организм был ослаблен алкоголем, бездельники, люмпены, неспособные реализовать себя в условиях здоровой конкуренции. Страна и мир избавились от балласта. Разве это плохо?

– Ну, конечно, если смотреть так...

– А по-настоящему деловые, инициативные личности получили колоссальные возможности для самореализации. И дело не только в изменениях на генном уровне, куда важнее – переворот в общественном сознании. За эти годы почти удалось побороть вредный предрассудок о том, что каждый от рождения имеет право на жизнь. Нет, господа ортодоксы, это право еще надо заслужить!

– То есть вы считаете, подобные вопросы должен регулировать свободный рынок?

– Именно! Жизнь – такой же товар. И всякие искусственные ограничения, связывающие энергию креативного класса...

– Выключи его! – процедил Ромка в соседней комнате. – А то я разобью телевизор.

Кид хмыкнул. Приглушил звук и переключил на другой канал.

– ...успешно продолжается спецоперация в Серпуховском районе. Благодаря эффективным действиям сотрудников МЧС только за последнюю неделю удалось расчистить от *фиолетовой плесени* не менее десяти квадратных километров...

– Вранье! – откомментировал Кид.

А телевизор в соседней комнате продолжал бодрым голосом диктора:

– ...Наши доблестные бойцы ОКАМа² на деле доказали готовность исполнить план президента. Подмосковье будет безопасным! С начала операции уже успешно ликвидированы тридцать восемь псевдоволков, один *потрошитель* и два *живоглота*...

– И кто в это поверит? – горячился Кид. – Доблестные брехуны! Два *живоглота*...

– Ну, может, и не врут, – осторожно допустил Ромка. – Говорят, после того как *потрошитель* напал на кортеж губернатора, со всей области согнали бойцов...

– Не в этом дело! Это ж тебе не псевдоволков мочить.

– Псевдоволки – тоже не кролики... – судя по голосу, Ромка усмехнулся.

– Да знаю. В свое время завалил их больше, чем ты монстров в «Кровавом тумане». Даже из «АКМ» бывает не с первой очереди.

«Можно и из пистолета... – подумал я, опять проваливаясь в сон. – Даже с одного патрона...»

...Огромное тело еще трепыхается. Когти загибают землю. Но мутноватый зрачок уже невидяще застыл.

Андрюха Демин первым осмеливается подойти ближе. Пинает убитого псевдоволка ногой. А тело зверя вдруг оживает – мощные лапы будто подбрасывают мутанта в воздух, и страшная, похожая на крокодилю пасть клацает зубами в сантиметре от удирающего Андрюхи.

Мы мчимся без оглядки, проламывая чахлые кусты.

Но раненый зверь не отстает.

Мы чуем тяжелую поступь, а сами замедляемся с каждым шагом – ноги вязнут в раскисающей под дождем земле.

И патронов больше нет!

– Туда! – кричит Андрюха, указывая во мглу сумерек, – сквозь дождевую пелену там едва различимо освещенное окошко.

– Нет! – вскрикиваю я от ужаса, – Не надо!

Только не туда!

...Красноватая тьма колыхнулась вокруг. «Не надо! – болезненная вспышка в мозгу. – Пожалуйста, не туда!»

– Куда не туда? – удивился Ромка. И я понял, что говорю вслух.

Открыл глаза. Сел на кровати, успокаивая часто колотившееся сердце.

«Всего лишь сон...»

Причуды усталого сознания. Ведь наяву было *не так*.

А в соседней комнате по-прежнему бубнил телевизор:

– ...Новая волна мирового кризиса уже на подходе. Прошло время популизма! И потому не может быть иных критериев, кроме экономических. Общество должно осознать, что слабость нам не по карману. Тот, кто слаб, не должен рассчитывать на жалость...

Я вскочил с кровати. Шагнул в соседнюю комнату, вырубил телевизор и швырнул пульт в открытое окно.

– Эй, ты чего? – возмутился Кид.

² ОКАМ – Отдел по Контролю за Аномалиями и Мутантами.

Я не ответил.

Вышел из дома и захлопнул за собой дверь. Тяжело опустился на согретые солнцем ступеньки крыльца.

Октябрьское утро удивительно погожее – ни единого облачка. Бабье лето в разгаре. На улице даже теплее, чем в доме... Сад совсем зеленый, зато на ветках – красные яблоки. Сидеть бы на солнышке и всем этим наслаждаться.

Отчего ж я, будто наяву, вижу давний промозглый день? Я что, до самой смерти обречен вспоминать *это*?

Чья-то рука легла мне на плечо.

Я вздрогнул, повернул голову.

Ромка глядел на меня внимательно и встревоженно:

– Опять приснился кошмар – да, Глеб?

Он присел рядом на ступеньку крыльца.

Я не ответил, молча рассматривая кружившуюся на ветру паутинку. Говорить не хотелось. Хотелось выпить граммов двести «сталкеровки»³ и опять провалиться в забытие...

Ромка шмыгнул носом:

– Мы тоже все на нервах. Целую неделю тут кантуемся...

– Шесть дней, – сухо уточнил я.

– Глеб, а вдруг она уже не приедет?

– Что? – я повернул голову и внимательным взглядом смерил его исхудалое лицо. – То есть как не приедет?

– Вдруг... Настя решила не идти против *своих*?

Я стиснул зубы. Отвел глаза и выдавил – спокойно, как мог:

– У тебя что, после ранения башку переклинило? Каких еще «своих»?

– Ну, бог знает...

Я сгреб его за футболку и хрипло зарычал в самое ухо:

– Мы для нее – свои! Понимаешь?! Мы!

Сзади жалобно скрипнули половицы. Я хмуро оглянулся. На пороге стоял Кид, прислонившись к дверному косяку, засунув руки в карманы потертых джинсов. Солнечные зайчики сверкали на бляхе ремня, а его владелец мрачно рассматривал нас с высоты своего почти двухметрового роста.

Наконец не выдержал и сухо озвучил:

– Что вы с ума сходите, ребята?

– Нормально, – процедил я, выпуская Ромкину футболку. И отвернулся.

На самом деле – мне было стыдно.

Ладно, Ромка – он-то совсем зеленый, на пять лет младше, до этого никогда не попадал в серьезные передраги.

А я... Какого лешего устраиваю сцены?

Подумаешь, ляпнул он глупость – почему меня это так задело?

Нервы расшалились? Или он вслух произнес то, о чем я сам боюсь даже подумать?

К дьяволу!

Я не параноик.

Есть масса других, разумных объяснений...

Шесть дней назад Настя должна была явиться в это чертово заброшенное село. Но вполне могло статься, что она понадобилась в ином месте. Мало ли какие планы у командования Невидимой Армии? Такой ценный человек всегда нарасхват. Особенно если учесть, что она – *не совсем* человек...

³ «Сталкеровка» – спиртовая настойка на *сером мхе*. Обладает слабонаркотическим действием.

Вон и Кид говорил, что все будет в порядке. И если бы случилось что-то экстраординарное, нам бы давно дали знать – связь-то у нас есть!

– Ромка, оставь его в покое, – негромко сказал Кид. – Пошли в дом...

Скрипнула за ними дверь.

Я целую минуту сидел неподвижно, уставившись в трещину на ступеньке. Потом обошел дом, отыскал в густой траве пульт от телевизора и вернул его на подоконник открытого окна.

Пускай смотрят. Один хрен нечего делать.

Энергии от портативного мю-генератора хватит и на старый телевизор, и на систему оповещения, датчики которой Ромка понатыкал на всех подступах к деревне.

Я сел в траву прямо под окном, привалился спиной к теплым кирпичам.

Мы тут – единственные жители, так что надо расслабиться и сполна насладиться этим солнцем и покоем...

Кид и Ромка о чем-то тихо переговаривались.

Я вслушался.

Нет, не обо мне. Кажется, опять обсуждают спецоперацию ОКАМа...

– ...Думаю, чтоб отчитаться,дохлых псевдоволков свезли со всей области.

– Ну, может, и *живоглотов* пришили где-то в области?

– О чем ты говоришь! Эту нечисть даже огнеметом не возьмешь. Самая страшная тварь!

Я закрыл глаза.

«Самая страшная тварь – вовсе не *живоглот*...»

...Тусклый свет лампы. Острый запах крови.

Очень хотелось проснуться. Только кошмар не кончался.

Я опять увидел плавно качающееся тело Сереги и худого верзилу, присевшего на ступеньку лестницы. Кажется, он ждал, пока кровь стечет в таз.

– Что... что ты творишь?

Хозяин не ответил.

И молча вспорол голое тело ножом...

...шум ветра в кронах.

Чирикание воробьев.

Безмятежность – легкая и полезная для нервов. Даже голоса из открытого окна больше не раздражают.

– ...а помнишь, министр еще летом дал обещание вычистить Подмоскovie? Тогда проскользнула инфа о каком-то удивительном спецсредстве...

– Обещал вычистить? – хмыкнул Кид, – Смешно. Нынче даже *трикстеры* не держат слово!

«Интересно, кого он имеет в виду?...»

...Аккуратно открываю окно. И ужом выползаю наружу, кувыркаясь в мокрую траву.

Вскакиваю, бегу под косыми струями, не разбирая пути. Падаю в грязь и опять поднимаюсь, петляю по кустам. Скатываюсь в канаву, ползу... А изувеченное тело Сереги до сих пор, как наяву, маячит перед глазами. И тяжелая поступь «мясника» мерещится за спиной.

Я прихожу в себя только метров за пятьсот, когда проклятый дом скрывается в дымке.

Тоска, как глухая боль, сжимает сердце. И такое острое чувство беспомощности, что ноги сами подгибаются...

– Глеб, ты завтракать будешь? – долетел голос Ромки.

Я повернул голову.

Он спрыгнул с крыльца. Подошел, остановился рядом, неуверенно переминаясь. Мне опять стало неловко – даже если нервы расшатаны, глупо срываться на друзьях. Пусть даже они мелют всякую чушь...

– Спасибо, Ромка, но что-то совсем жрать неохота... И вообще так колбасит, словно неделю из Зоны не вылезал.

– Голова болит? Таблетку дать?

– Не болит. Просто сижу и, как дурень, вспоминаю золотые дни детства...

Он насупился, буркнул:

– Ты меня извини, ладно?

– Уже, – усмехнулся я, – тебе еще повезло, что Кид не слышал, а то б он тоже обиделся... Так обиделся, что пришлось бы компресс прикладывать! Он-то Настю давно знает – куда дольше, чем мы с тобой.

Ромка вздохнул и присел рядом:

– Шестой день ждем – наверное, все-таки что-то случилось?

Я глянул в сторону сарая – за ним, под раскидистым деревом, стоит «Газель» с особо ценным грузом. Кид сейчас будет его проверять – обычно он делает это пару раз, утром и вечером. Говорит, для надежности, хотя картинка с внутренней камеры и так транслируется на стоящий в доме ноутбук.

Система хорошо продумана. И те, кто планировал операцию, многое предусмотрели.

Только не все...

Уже давным-давно этому ценному грузу следовало оказаться в Зоне № 9.

– Да, наверное, что-то случилось, – сухо кивнул я.

– Она ведь не оставила бы нас здесь, правда? – вздохнул Ромка. – Настя пошла бы с нами до самого конца? Или ты считаешь, в этом нет смысла?

– Смысл есть всегда...

...утер слезы рукавом. Поднялся с мокрой травы. К отчаянию добавилась злость – на самого себя.

Скользя в грязи, загинаясь в густой траве, я бросился через завесу дождя. Ранние сумерки темнели с каждой минутой. «Лишь бы не заблудиться, лишь бы выйти к развалинам фермы!»

Пару раз я падал, в кровь ободрал руки о кусты терновника и почти уверился, что иду не той дорогой. Но вдруг из дымки появился узнаваемый обломок бетонной стены.

Я подбежал и торопливо стал разгребать битый кирпич.

Есть! Вот он – кинжал в отделанных золотом ножнах. Но главное – с удобной рукояткой. Я вытащил клинок из ножен, попробовал остроту лезвия.

И отложил в сторону.

Начал раскапывать кучу кирпичных осколков рядом. Извлек оттуда жестяную коробку с «товаром». Открыл и глянул внутрь.

Немного «мха», зато целых три «рыбьих чеши», «наперсток» и «водяной аметист» – все тянет минимум на пять штук баксов. Если на двоих – по две с половиной на брата. Очень много.

А если одному – так вообще целое богатство! Хватит, чтоб купить себе нормальный дом в поселке, еще и на мотоцикл останется...

Я цепенею от этой неожиданной мысли. И стискиваю кулаки.

К черту, к лешему!

Главное – понять, что это за странная фиговина, которую мы обнаружили рядом с «водяным аметистом»? Демин вообще не хотел ее брать – от греха подальше. А я настоял.

Когда-то Петрович показывал мне похожую хрень. Или не совсем похожую?

Трудно рассмотреть в сумерках.

Я достаю из коробки тонкую фиговину, остальной «товар» зарываю на прежнем месте. Сую кинжал за пояс.

И опять двигаюсь последней тропой Сереги Гилевича – к горящему в полумраке, как глаз мутанта, окошку проклятого дома.

Страх и злость гремучим коктейлем отдаются в голове при каждом шаге. Пару раз я обхожу жилище «мясника» кругом, вслушиваясь и обдумывая, как незаметно проникнуть внутрь. Окно чулана уже закрыто – может, и заколочено по-новой? Ясно, что этот путь уже не годится...

«Думай, Глеб!»

Только ничего оригинального на ум не приходит.

А потом я улавливаю звук – оттуда, изнутри. Похожий на сдавленный крик. И просто шагаю к крыльцу, что есть силы начинаю барабанить в дверь:

– Открывай, сволочь!

Чуть отступаю. Но я не прячусь, стою в луче фонаря напротив входа: пусть «мясник» хорошо разглядит мою фигуру – жалкую, грязную, беспомощную...

Я жду. А мелкий дождь вокруг сверкает тысячами алмазных капелек. Это красиво – так красиво, что помогает не чувствовать бешено колотящееся сердце...

Негромко скрипит замок.

Дверь распахивается.

Тощий высокий силуэт возникает из тьмы. Огромная тень падает на крыльцо. Как живая, она тянется к моим ногам. Там, в этой тьме, что-то блестит – нацеленный в меня пистолет. «Грач», мой «грач»...

«Мясник» улыбается. А его палец лежит на спуске.

– Отпусти Андрюху! – хрипло выдавливаю я. – Иначе мои друзья сдерут с тебя кожу... Натянут на барабан и будут играть – пока ты не сдохнешь!

– Вранье, – качает он головой, – ты пришел один! За это время никакая подмога не успела бы добраться из поселка.

– Отпусти, иначе...

– Сопляк! Кого думал взять на испуг?

Дрожащими пальцами я вытаскиваю кинжал.

Верзила скалится в ухмылке:

– Глупый мальчишка... Зачем ты вернулся? Разве сложно усвоить главное правило – каждый сам за себя?

– Я дал слово!

– Какое еще слово?

– Слово трикстера, – шепчу, понемногу освобождая пальцы левой руки. Зажатая между ними тонкая фиговина выпрямляется в его сторону...

И ничего не происходит.

– Что, щенок? Ждешь награду за смелость? – «мясник» до сих пор улыбается, даже шагнул ближе, целясь в меня из «грача». – Ладно, убью тебя быстро!

«Неужели не сработало?!» – мелькает отчаянная мысль. Как замороженный, я смотрю в темный зрачок пистолета. Это длится долго – может быть, целую секунду... И вдруг «мясник» вскрикивает, будто его укусила змея.

Скатывается с крыльца, выронив оружие. Хрипит, корчась. Наверное, ему очень больно – так, словно кто-то невидимым ножом вспарывает его потроха.

Я вздыхаю – глубоко, облегченно. И наконец-то разжимаю сведенные судорогой пальцы – уже бесполезный, тонкий стержень выпадает на траву.

Я не ошибся. Это была «чертова игла» – та самая, о которой рассказывал Петрович. Мне удалось ее активировать. И значит, «мясник» еще пару часов будет хрипеть в невыносимых муках – прежде чем околеет.

Я обхожу его вздрагивающее тело, поднимаю с земли отцовский «грач». Шагаю в дом, пересекаю коридор, распахиваю двери чулана. Спускаюсь в открытый люк. И замираю внизу, будто наткнувшись на невидимую стену.

Подвал – слабо освещен. Но даже тусклого огонька диодной лампочки хватает, чтоб понять...

ОПОЗДАЛ!

Едкие ароматы крови и горелого мяса бьют в ноздри – так что перехватывает дыхание. А в углу скорчилась фигура – почти неузнаваемая...

И все-таки я его узнаю. Все-таки я могу рассмотреть даже то, что не хотел бы видеть, – с непоправимой, мучительной ясностью...

ОПОЗДАЛ!

Несколько секунд я не двигаюсь – будто ноги примерзли к полу. И наконец делаю шаг ближе, стараясь не вступить в широко растекающуюся мутно-бордовую лужу.

Мне страшно и невыносимо горько.

А он, этот полумертвец, вдруг открывает глаза и хрипит радостно:

– Глеб!

Его лицо, бледное, как вечернее небо, почти серое. Но Андрюха улыбается – словно ему легчало в эти последние минуты.

– Глеб... ты такой молодец... – шепчет разбитыми губами. – А мне казалось... ты уже не вернешься...

Я проглатываю ком в горле. Пытаюсь ответить что-то бодрое:

– Да ладно, Андрюха... Разве я мог по-другому? – и торопливо отворачиваюсь, чтоб он не заметил предательские слезы. – Я ведь дал тебе слово... Слово трикстера!

Глава 2

...Солнце поднималось выше. А ветер качал кроны. Золотые листья слетали с веток и порхали, как растревоженные бабочки.

Один из листков опустился прямо в мою ладонь. Он оказался теплым, будто живым.

Я сжал ладонь, впитывая это тепло.

– Смысл есть всегда... Раз обещала – она сделает все возможное. Понимаешь, Ромка, мир не загнулся окончательно лишь потому, что еще есть люди... Люди, которые знают цену каждому слову... Она – из тех, кто знает.

– А ты... знаешь?

Я молчал, вслушиваясь в чириканье воробьев. Меньше всего мне хотелось казаться героем. Герой из меня – еще тот. Наконец озвучил:

– Иногда бывает трудно... почти невозможно оплатить эту цену. Но мы все должны стараться.

– То есть будем ждать дальше... – прошептал Ромка.

– Кид же говорил – неделя крайний срок. Потом он пошлет запрос в Центр – возможно, операцию придется перенести.

– Перенести? А если будет поздно?

Я вздохнул. Мне нечем его успокоить. Разве что в который раз озвучить правильные фразы:

– Центру виднее. Россия большая, а таких, как мы, – очень мало. Вдруг понадобилась срочная помощь в другом месте? Вдруг от этого зависит чья-то жизнь?

– Жизнь? – Ромка сморщился, как от боли. – А что, про тех, кого увезли в Зону № 9, уже забыли? Или их жизни ни хрена не стоят?

Я не ответил.

Что тут вообще скажешь?

Я-то не забыл – ни Алену, ни Женю. Так же, как всех остальных, захваченных бригадами полицейских-«эвакуаторов», – всех, кого мы обязаны спасти. А еще помню про сотни, тысячи других, которые гибнут каждый день. И которых – спасти некому...

Когда мы подписывались на эту операцию, все уже было оговорено – Невидимая Армия отдает приказы, а мы их выполняем.

Это правильно и разумно.

Особенно когда воюешь против целого мира...

Но что толку повторять это лишний раз? Ромка и сам это знает. Знает, но опять видит перед собой лицо Алены. И ее глаза – в тот день, в тот час, когда за ней пришли полицаи на службе упырей...

– Расслабься, – хлопнул я его по плечу. – Мы успеем! Думаю, Настя уложится в сроки...

Его успокаиваю или себя?

Что-то Кид долго ковыряется в машине. Я встал, обошел сарай. Фургон был закрыт, а капот «Газели» поднят. Хмурый Кид стоял рядом и задумчиво вытирал грязные руки ветошью.

– Груз в порядке? – на всякий случай уточнил я.

– А что ему сделается... – сердито отозвался Кид.

Интонация мне не понравилась.

– Случилось чего?

– Мотор накрылся.

– То есть... как накрылся?

Что за пургу он несет? Как такое вообще возможно? Уже шестой день эта чертова «Газель» стоит на приколе!

– Сам глянь, – махнул он рукой.

Я подошел ближе. И оцепенел.

«Тудыть его в качель!» – не зря мне так погано спалось.

Внутренности машины – будто изъедены оспой или побиты шрапнелью. А в моторе чернеет пара сквозных дырок...

– Наверное, мелкие плазмоны, – сухо предположил Кид.

– Да какие плазмоны! Откуда? Видишь, совсем не оплавлено. Да и снаружи – нет входных отверстий...

Он хрипло матернулся. В сущности, без разницы, что это было. Главное – конечный результат.

– ...И где мы эту дрянь подхватили?

Я сердито сплюнул. Откуда мне знать? Можно только догадываться.

– Наверное, когда срезали через Синюхинский лес...

– По карте – там чисто.

– Все меняется. На картах многое не указывают.

А я, когда ехали, чувствовал кожей... Чувствовал и понадеялся, дурак, что как-нибудь обойдется.

Подошел Ромка и изумленно глянул под капот. Растерянно выдавил:

– Не понимаю... От Синюхинского леса – тридцать километров. Вы ж помните, оттуда докатились, как по маслу! А здесь на месте я проверял – все было нормально...

– Тогда и было нормально, – буркнул я, – Это ведь не сразу проявляется. Несколько спор железной чумы попали через радиатор. А сейчас видим последствия...

Ромка нервно кашлянул. После ранения, когда волнуется, у него всегда начинается кашель.

– Лекарство прими, – напомнил я. А Кид продолжал мрачно изучать дырявый двигатель. Сухо уточнил:

– Считаешь, чума? – пальцем постучал по нетронутому цилиндру. – Обычно она все подряд съедает...

– Да, если б мы в Зоне нарвались. Там – ест все без разбору, вплоть до змейки на штанах и подковок на ботинках... А тут – для нее некомфортные условия. Кстати, если б мы раньше заметили – хотя бы пару дней назад – достаточно было бы смазать сверху машинным маслом.

– И что, помогло бы? – подавленно спросил Ромка.

– Вполне.

Для этого просто надо было вовремя заглянуть под капот. Только никто не удосужился...

Я вздохнул, отворачиваясь.

– Простите, – тихо сказал Ромка, – это моя «Газель» и моя вина... – он опять закашлялся.

– Расслабься, – буркнул я.

Уж его точно глупо обвинять. А вот мне сам бог велел перестраховаться...

Я глянул в лужу на свое серое нелепое отражение.

Ну что, болван? Захотел поиграть в неврастеника? Вот тебе и реальный повод понервничать...

– Что там с электромотором?

– По-моему, цел, – отозвался Кид.

– А коробка передач, ходовая часть?

– Уже смотрел. Вроде в порядке.

Тогда есть вариант. Наша «Газель» гибридная, аккумулятора хватает километров на семьдесят...

– Можно зарядиться от мю-генератора! – оживился Ромка.

Кид забрался в кабину и щелкнул на панели тумблером, включая электронику. Через секунду мрачно доложил:

– Не выйдет. Аккумулятору, по-моему, тоже кирдык!

– Что, оба модуля... сразу?

– Правый – ноль высвечивает. А левый – только 30 % заряда. – Кид полез под заднее сиденье и вытащил почерневший, усеянный мелкими дырками аккумуляторный модуль. Повертел его в руках и уронил на траву. Сухо сообщил: – Второй – в чуть лучшем состоянии.

Я вздохнул.

Угу. По-другому и быть не могло. Система кондиционирования – чтоб сверхлегкий, но капризный, как девственница, литий-инверсионный аккумулятор работал в оптимальном режиме. Именно так туда проникла *железная чума*...

30 % емкости, оставшихся в левом модуле, хватит на десяток километров, может, и меньше по этим дорогам. Это не езда. А до Зоны № 9 – почти девяносто...

– У тебя есть запасной модуль? – глянул я на Ромку.

– Нету, – потерянно пробормотал он. – Перед поездкой ведь ставили оба новые... И я не думал, что так скоро...

– А мог бы подумать! – огрызнулся Кид. – Между прочим, не на пикник собирался!

– Хватит, – буркнул я. Мы все хороши. И будет верхом идиотизма выяснять сейчас отношения.

Вернулся в дом, достал из рюкзака карту, внимательно ее изучил.

Ага, не так уж и далеко... За пару часов можно успеть.

Надел куртку и мотоциклетный шлем, накинул лямки рюкзака. Вышел из дома и выкатил из сарая свой «Фалкон».

Кид преградил мне дорогу:

– Что ты задумал?

– Слегка проветрить мозги – психиатры рекомендуют. Заодно куплю новый аккумуляторный модуль...

– Так не пойдет, – качнул он головой. – Сказано было – ждать ровно семь дней. И никуда не высываться!

– Да, – терпеливо кивнул я, – только ситуация поменялась.

– Ты в розыске, не забыл? Где-нибудь засветишься – поставишь под удар операцию!

– Мы все в розыске. А операция – и так под ударом.

– Есть еще вариант, – вмешался Ромка, – напрямую подключить мю-генератор...

От отчаяния у него мозги переклинило?

Я вздохнул и терпеливо напомнил:

– Электродвигатель – это вам не телевизор. В стационарном режиме – мощности хватит, только чтоб едва ползти. Думаю, максимум километров пятнадцать в час...

– Так увеличим мощность! – Ромка глянул на меня невозмутимо, недоуменно. И я улыбнулся – не очень весело.

Ага, здорово он шарит в технике и электронике. А таким простым вещам – неужели сейчас не учат?

– Тебе напомнить, с чего начались *Сумерки*? Почему во всем мире отказались от мю-коллайдеров?

– Потому что они взаимодействовали на расстоянии. А *Сумерки* начались с того, что коллайдеры вошли в резонанс...

– Стыдно, Шепилов, ответ на тройку. Это ж я ни фиги не кончал, а у тебя – компьютерный колледж! Когда все началось, коллайдеры пытались заглушить... И не смогли. Чем выше мощность, тем труднее ими управлять.

Кид кашлянул:

– Ты хочешь сказать, одно дело – просто зарядить аккумулятор. А совсем другое – напрямую врубить мю-генератор?

И этот туда же!

Я усмехнулся:

– Возил ты когда-нибудь в машине бутылку с нитроглицерином?

– Думаешь... взорвется?

– Может, просто расплавится... Вместе с «Газелью». Так тебе приятнее?

Кид шумно вздохнул. Почесал затылок. Махнул огромной ручищей:

– Ладно, езжай... Только аккуратнее – без приключений!

Мог бы и не говорить.

От нашего временного убежища – совсем близко до околицы.

Я выехал из деревни и повернул на старую дорогу – ту, что вела напрямиком через лес. Судя по карте, он «чистый» – так же, как Синюхинский.

Значит, лучше не расслабляться.

Чем дальше от транспортных магистралей и живых поселков – тем больше сюрпризов. В сущности, это даже на пользу криминальному типу вроде меня. Полиция редко забирается в такую глухомань, а сюрпризы – не любит вообще.

Хотя кто их любит?

Лучше, если без них...

По-летнему горячее солнце взбиралось в синевато-прозрачное небо. А налетавший ветер приятно охлаждал тело под курткой. Дорога – твердая и ровная. Одинокие лужи легко объезжать стороной.

Не езда, а удовольствие...

Я начинаю думать: не так уж это и плохо – вырваться из проклятой, мертвой деревни хоть на несколько часов...

Вырваться, чтоб опять ощутить, что ты жив.

Пусть проносятся деревья – справа и слева. А наметанный взгляд привычно скользит по окрестностям – выхватывая даже смутные намеки на аномалии или затаившихся мутантов...

Кому, если не мне, кататься по этим заброшенным дорогам? Лететь, словно на крыльях, там, где давно не ступала нога человека...

Может, еще до обеда успею вернуться.

Тем более что погода не обещает перемен – самолет, прочертивший высь серебристой точкой, не оставил следа.

По карте до ближайшего нормального поселка километров двадцать пять. Микулино он называется. Там, еще с досумеречных времен, сохранилась хорошая авторемонтная мастерская. Думаю, новый аккумуляторный модуль у них точно найдется – сейчас даже в провинции полно «гибридов». А в микулинскую мастерскую ездят со всего района.

Информация – относительно актуальна. Более свежая только та, что каждый день обновляется в Интернете. Но покрытия Сети здесь нет, а пользоваться для этого спутниковой связью – лишний риск. Ведь кое-чего и в Интернете не укажут – например границ зоны патрулирования ОКАМа...

Надеюсь, до них еще далеко.

Плохо, что дорога уже едва угадывается – будто тут по ней пару лет никто не ездил. Кое-где прямо посреди колеи выросли кусты...

Я остановился возле небольшого озерца с болотистыми берегами и еще раз сверился с картой. Ага, кажется, пропустил поворот. Но это ничего, повернуть можно и здесь. Километра через три будет западная окраина Микулина.

Хорошее место – бывший райцентр, сохранивший остатки цивилизации и все-таки расположенный в стороне от главных магистралей. Значит, для меня относительно безопасный.

Я опять вдавил кнопку стартера. Выжал газ.

Пару километров одолел за считанные минуты. А потом все изменилось.

Я перебрался через ручей, за которым не стало леса.

Вместо него – обгоревшие стволы и земля, укрытая пеплом. Ни одного свежего следа, ни одной травинки...

То есть все выгорело этой осенью – недавно, может, пару недель назад?

Странное время для лесных пожаров...

Ничего. Лишь бы мастерская работала!

Я проехал еще километр и тогда наконец осознал.

Поселок...

С ним – что-то не то.

Сразу за опушкой виднелись почерневшие коробки кирпичных зданий и груды головешек – там, где стояли деревянные дома... Так бывает, когда горит лес – окраины страдают сильнее всего. Но почему не видно людей?

Я заглушил мотор и ощутил, какая вокруг пронизывающая тишина.

Шепотом матернулся.

Кажется, тут я не достану аккумулятора...

Завел мотор, обогнул крайние развалины и выехал на центральную улицу, машинально прикидывая, где должна располагаться мастерская.

У меня еще теплилась надежда – слабая, призрачная... Но с каждой сотней метров она угасала.

Ничего не могло остаться. Никто не пытался тушить дома. Ведь огонь пришел не из леса.

Это стало очевидно, когда к едкому аромату гари добавился новый запах. Обогнув трехэтажное здание у поселковой площади, я увидел тела... Не меньше десятка. Часть из них – не тронута огнем, зато со рваными ранами на шее. Думаю, они пролежали почти неделю. И все-таки там, на шеях, еще ясно угадывались характерные следы зубов...

Я подъехал ближе и понял, что у нескольких трупов были связаны руки. Среди взрослых рассмотрел тело девочки – она до сих пор сжимала куклу. Розовая пластмасса издали хорошо выделялась среди почерневшей плоти. А еще волосы... светлые волосы девочки – ветер их шевелил, будто у живой.

Я отвернулся и стиснул зубы.

Никаких загадок...

Сначала пришли упыри, а лишь потом случился пожар...

Заметали следы?

Наверное. Только кто-то их спугнул, поэтому часть тел так и осталась неубранной. Кто-то из низших кланов поработал в Микулине. Те, кто из питерского, – до такой грязи давно не унижаются.

Сейчас ведь не первые годы Сумерек.

Давно уже порядок, стабильность... А к услугам солидных господ – вся мощь государства, позволяющая куда эффективнее утилизировать «лишних людей»...

Я оглянулся по сторонам – с яростью и отчаянием.

Неужели никто не выжил?

Полторы тысячи человек тут было... Наверняка часть спаслись. И за целую неделю никто так и не осмелился сюда вернуться? Хотя бы чтоб похоронить тела...

В полицию тоже никто не сообщал. Ведь это глупо... местная полиция, скорее всего, под контролем клана.

А может, это и были разборки между кланами – за подконтрольную территорию. Как там говорил в «зомбоящике» столичный упырек Мысков? «Жизнь – такой же товар».

Вот делят и его, кровососы, рвут на части...

Хватит!

Я отъехал подальше, чтоб не чувствовать запаха. Прислонил мотоцикл к нагретой солнцем стене. Сам сел рядом. Закрыв глаза...

Так нельзя. Надо рассуждать логически. А у тебя одна мысль, одно желание – перестрелять их! Найти нелюдей, которые убивали в Микулине, найти и уничтожить...

Смешно.

Многих ты успеешь прикончить до того, как тебя порвут на куски? Ненависть – хорошее чувство, пока не туманит рассудок.

Подведем итог. Аккумулятор ты не достал. Это раз.

Что-то мрачное надвигается. Это два.

Последний год со всей страны долетают характерные «звоночки». Все больше сгинувших без следа, растерзанных «хищными мутантами». Все больше обезлюдевших деревень. А теперь вот и Микулино...

Еще недавно низшие кланы не осмеливались на такое. Питерские мертвой хваткой обуздывали «энергию креативного класса». А сейчас из-за кризиса дали слабину?

Возвращаются «золотые времена» более чем десятилетней давности? «Светлые дни» моего детства...

Я достал из рюкзака бутылку воды, жадно глотнул и посмотрел в безоблачное небо.

Грядет война кланов?

Что это – окончательный кирдык России? Или уникальный шанс?

Откуда-то из-за угла раздался резкий скрип. Я едва не выронил воду. Подскочил, нащупывая пистолет в кармане куртки.

Но звук повторился – в прежней тональности, и я догадался, что это ветер раскачивает ставню или окно. Вот опять долетело – протяжно, заунывно...

Ветер...

Кроме него и меня – некому тут разгуливать.

Я спрятал пистолет. Вытащил карту, задумчиво на нее глянул. Достал из кармана карандаш и перечеркнул Микулино.

Больше нету такого поселка...

Сколько их еще сотрут с карты России?

Война кланов – это смерть и хаос. Если борются *высшие* – в первую очередь гибнут люди. Так было во времена моего детства. Так может произойти и сейчас...

Или не может?

Кое-что изменилось за эти годы...

Тогда внезапная катастрофа накрыла страну будто темным покрывалом. Из тех, кто выжил, – едва не половина маялась *синдромом*. Люди чахли и медленно загибались. А *высшие*, наоборот, ощутили эйфорию, невиданный прилив сил.

Вон столичный упырень Мысков до сих пор с ностальгией вспоминает «времена демократии и неограниченных возможностей»! Время, когда они полностью подчинили мир и страну...

Сейчас им будет куда труднее!

Мы ведь тоже изменились.

И если качнется властная вертикаль, если господство упырей уже не будет единым монолитом, а кланы открыто станут рвать друг другу глотки, – может быть, это и есть единственный шанс... Последний шанс – для нас, людей?

Я опять всмотрелся в карту. Следующий поселок, где можно раздобыть аккумулятор, – в двадцати километрах севернее. Он крупнее, почти целый городок, и главное – ближе к главным магистралям, к заселенным областям... А значит, там куда проще нарваться на дотошных полицаев.

Рискнуть?

Кид был прав, когда говорил, что нельзя ставить операцию под удар. Но какой я *трикстер* без фарта?

А тут – не тяжелей, чем в Зоне...

Они, серьезные ребята из Невидимой Армии, мне доверяют. Только всей правды не говорят. Спаси тех, кого держат в Зоне № 9, – это прекрасно и благородно. Но есть что-то еще. Что-то очень важное...

Например, неведомый мне козырь, который так важно заполучить до того, как разразится упыриная междоусобица?

Кто знает...

Вдруг я сам себя обманываю? Придумываю фальшивую надежду. Я ведь всего лишь человек, и нервы у меня не стальные. В такие минуты, как сейчас в Микулине, хочется быть раненым зверем. Или поехать в Москву, пробраться в Кремль на сходку представителей кланов и активировать *адский огонек*!

Умом я понимаю, как это глупо. И все равно ясно представляю голубоватые языки неугасимого пламени – там, за Кремлевской стеной. Ведь должны же когда-нибудь кончиться эти проклятые *Сумерки*!

Закрываю глаза. Сажу так минуты две...

Господи, до чего ж хочется выпить!

Выпить и провалиться в забытие... Но я встаю, прячу карту в карман. Опять надеваю шлем, лямки рюкзака. И сажусь на мотоцикл.

К черту сопли и нервы!

Сейчас надо сделать так, чтоб все у нас получилось.

Глава 3

Я въехал в поселок по разбитой грунтовой дороге, тянувшейся от лесопилки. И сразу решил, что возвращаться буду другим путем – уж больно нехороши толпящиеся рядом с лесопилкой типы.

Там же стоял нелепо роскошный «Кадиллак», чуть в стороне – новенький «Мерседес». А два мордоворота в джинсах и кожаных жилетках что-то горячо «терли» на скамейке под навесом, иногда прикладываясь к баночному пиву.

Мелкий криминалитет – бессмысленный и беспощадный. Никуда он не делся за эти годы – плавно перетек в якобы легальный бизнес и оброс полицейскими крышами.

Спиной чувствую, как таращатся мне вслед.

Мать их так...

Рассмотрели во мне чужака?

Пусть глядят – паханам сейчас не до меня.

Я спокойно доехал до околицы поселка, свернул за угол крайнего дома и лишь там прибавил газу.

Минуты две покружил глухими улочками. Припарковал мотоцикл в скверике, пешком вышел на центральную улицу и без труда отыскал нужный магазин.

Аккумулятор тут был – не совсем такой, как наш, но это без разницы. Один хрен, начинка нашей «Газели» – сплошная импровизация. Изначально это ведь не «гибридная» модель, обычная бензиновая коптилка. Еще Ромкин отец ее когда-то переделывал. Так что справимся, инструмент у нас есть.

Я вместе с продавцом проверил аккумулятор, заплатил четыреста восемьдесят баксов, втолкнул плоскую упаковку в рюкзак. Модель – чистый Китай, зато вдвое дешевле.

Поднял, натянул лямки и ясно ощутил за спиной двенадцать с лишним килограммов. Блин, а еще называют их «сверхлегкими»!

И к мотоциклетному седлу эту радость не приспособишь – неудобно, да и, чего доброго, слетит на ходу. Нет, уж лучше не хитрить. Ехать мне меньше часа – как-нибудь вытерплю.

Я вернулся к мотоциклу – за время моего отсутствия с ним ничего не произошло. Вот в чем прелесть таких мелких городков.

Стянул рюкзак и присел на траву. Малость передохну и рвану на юго-запад. Ребята, наверное, заждались...

Тьфу.

Стоило чуть расслабиться, и в голове уже ярко маячит тарелка со жратвой. Из Кида – хреновый кулинар, но сейчас я бы слоуп даже похлебку его производства. Все-таки надо было позавтракать.

Покосился в сторону ближайшего продуктового магазина, видневшегося вдалеке у центральной улицы.

Нет, туда не пойду. Достаточно уже здесь светился.

Я встал, опять надел рюкзак, оседлал мотоцикл. И решил – если по дороге встретится какой-нибудь ларек, там и затарюсь...

Только ничего не попало, даже у заправки, где я притормозил, чтобы доплна залить бак. Лишь у самой окраины, когда до леса оставалось метров пятьдесят, вдруг обнаружилось кафе и магазинчик в одном лице. Смешная, но характерная для провинции вывеска – «Колокольчик» – украшала фасад этого заведения. А у самого входа была припаркована «Ауди» с откинутым складным верхом – дурацкого розового цвета.

Везет мне сегодня на дорогие тачки! Одно хорошо – полицаи на такой красоте вряд ли катаются.

Я все-таки решил рискнуть.

Проехал мимо, остановил мотоцикл в лесу и спрятал его в кустах недалеко от грунтовки.

Надел темные очки. Не снимая рюкзака, вернулся к магазинчику. Оглянулся по сторонам. Вроде все спокойно?

Пятиэтажный и давно не жилой дом через дорогу таращится выбитыми окнами. От частных усадеб рядом остались одни развалины. А вдали на крохотном пруду проплывают гуси и утки.

Тишина.

Стабильность...

Я распахнул металлопластиковую дверь – она отозвалась легким звоночком. Шагнул внутрь. Там меня встретила негромкая, приятная музыка.

В первой комнате «Колокольчика» располагался магазин. В следующей – царил полумрак, на единственном окне были опущены жалюзи, и обстановку озаряли лишь несколько пыльных, стилизованных под свечи светильников. Там, в интимном полумраке, имелось несколько столиков, и два из них были заняты. За одним – двое парней, две девушки. За другим, тем, что ближе к выходу, лысоватый мужик постарше. Этот сразу уставился на меня тяжелым взглядом.

– Добрый день, – сказала продавщица.

– Здравствуйте. Мне, пожалуйста, батон, четыре штуки вон тех плавленных сырков и пакет кефира.

Она сложила все в кулек.

– Спасибо большое, – я дал ей пятисотку и, пока продавщица искала сдачу, еще раз украдкой глянул на посетителей кафе.

Вроде обычная компания, бутылки с пивом и вином, недоеденные пирожные на столе... Только что-то здесь было не так. Два парня, чернявый и рыжий, раз за разом смеялись – по моему, это чернявый все время шутил. А девушки хоть и улыбались, но как-то через силу, напряженно.

Лысоватый, который сидел отдельно, пил только воду и одновременно не упускал из виду вход в заведение.

– Ну, хватит, Рафик, – зевнул рыжий, толстяк с неприятным лицом, – поехали из этого гадюшника... Вон и девочки заскучали.

– Как скажешь, Колян... – кивнул чернявый, губастый и смазливый.

Оба переглянулись – понимающе. И хихикнули, словно какой-то удачной шутке.

Но первым поднялся лысоватый за крайним столиком.

Следом вскочил рыжий, схватил одну из девушек за руку и, не церемонясь, почти потащил за собой к выходу. Чернявый оказался более галантным – он сам предложил руку спутнице и вежливо сопроводил к выходу.

Когда эта, вторая, проходила мимо, я в мельчайших подробностях успел рассмотреть ее лицо – совсем юное, почти без косметики. Красивые очертания губ, небольшой, чуть вздернутый нос, голубые глаза...

Эти глаза кричали: «Помоги!»

Все длилось не больше секунды. Потом компания вышла, а я отвернулся. И сказал продавщице:

– Добавьте еще, пожалуйста, бутылку сока!

Снаружи долетел смех рыжего толстяка – неприятный, напоминавший визг пилы. А я... Нет, не торопился покидать заведение.

Отличная музыка, уютная обстановка. Вполне могу снять рюкзак, присесть за столик и выпить апельсинового сока – длинными, медленными глотками. Выпить и обождать, пока эта странная компания уберется подальше...

Мать их всех так!

Да, я уловил взгляд той дурехи. Ну и что? Жаль ее, конечно. Обоих – жаль.

Но они не девочки, им лет по двадцать, сами знали, с кем связываться! Неужели я нанимался выручать всяких идиотов?! Тем более рисковать из-за этого аккумулятором, а значит – успехом всей операции.

В конце концов, никто не будет их убивать. В провинции нравы простые – даже у всякой падали. Наиграются и выкинут...

Сквозь негромкую мелодию, наполнявшую кафе, донесся звук мотора. То есть розовая «Ауди» отъехала?

Вот и чудно!

Я проглотил остатки сока и поднялся из-за стола. Надел рюкзак.

Распахнул дверь.

Улица уже пустынна. В безоблачном небе по-прежнему светит солнце, а где-то у пруда беспечно голоса утки. Опять почти деревенский покой.

И совесть у меня – чиста. Даже сомневаться не стоит...

Уверенным шагом я двинулся по грунтовке в сторону леса. Скрипели камешки под ногами, чирикали воробьи.

Стена деревьев смыкалась вокруг. Меня уже не видать из поселка. А дорога впереди делает еще один поворот... Я почти его достигаю, когда улавливаю новые, странные звуки.

«Этого только не хватало!»

Вздрагиваю, опускаю кулек с харчами прямо на пыльную траву. А сам достаю из подмышечной кобуры пистолет и ускоряю шаг.

Впереди, в кустах у обочины, спрятан мой мотоцикл. Что бы ни случилось, я не должен остаться без «коня»!

Стискиваю зубы. Палец немеет на спусковом крючке «беретты»...

У самого поворота я замедляюсь. Что-то там угадывается сквозь желтеющий подлесок?

Неужели...

Розовая «Ауди»!

Как раз рядом с теми кустами, где я оставил своего «Фалкона»... Что за невезение?

Мотоцикл, скорее всего, не тронули, только забрать его незаметно – никак не выйдет.

Ну и хрен с ними! Это ж не полицаи – обычные провинциальные уроды.

Я сплюнул, растер пыль. Сунул пистолет в кобуру. Вернулся, подобрал кулек с харчами и решительно двинулся по грунтовке.

Возле «Ауди» маячил лысоватый – курил и поглядывал по сторонам.

Ясно, охранник... Ну и пусть себе охраняет.

Больше никого не видно.

Я топал вперед с беспечностью заурядного туриста. Кулек с продуктами громко шелестел при каждом шаге.

Конечно, лысоватый охранник заметил меня еще издали.

Напрягся и уставился колючим взглядом. Но вряд ли воспринял меня всерьез. Видок у меня вполне ничтожный – грязные вытертые джинсы, линялая куртка, стоптанные кроссовки. Выгоревший рюкзак, еще и дурацкий пакет из магазина – с какой-то мультяшной клоунской мордой...

Не канаю ни на киллера, ни на братка.

По всем понятиям – типичный местный лох.

– Здравствуйте! – кивнул я охраннику с деревенским простодушием.

– Топай отсюда, – буркнул он, выпуская сигаретный дым. Под расстегнутой курткой явно оттопыривалась кобура. Но охранник и не думал доставать оружие.

Молодец.

Я прошел мимо.

Все будет тихо и безопасно. Сейчас просто заберу мотоцикл из вон тех кустов. И гуд бай!..

Что такое?

Сдавленный хрип. Оттуда-то из-за «Ауди», со стороны ближайших зарослей. И еще звуки... Теперь я уже лучше могу их различить...

– Ну, чего встал? – мне в спину угрожающе пробубнил охранник. – Вали куда шел!

«Фалкон» – совсем рядом. Вскочить в седло, воткнуть в гнездо ключ, нажать кнопку стартера... Только меня и видели!

Разве не могу уехать?

Но вместо этого я цепенею, как примороженный. И даже сердце застывает, будто скованное холодом, – звенящей пустотой отдаваясь в висках.

А из-за боярышника опять раздается – то ли крик, то ли хрип...

Я роняю кулек с продуктами.

– Э, да ты не въехал, тормоз! – цедит охранник. Кажется, он рвет из кобуры пистолет.

– Сейчас, – выдыхаю я. И жму спуск «беретты» – не оборачиваясь, просто на звук его голоса.

Выстрел через глушитель звучит, как легкий хлопок, – даже воробья не спугнет. Вдобавок я стрелял прямо через куртку. Придется теперь латать, но это мелочь.

Главное, что дырка во лбу охранника такая же аккуратная. Почти беззвучно он сползает на землю, вытирая спиной запыленное крыло «Ауди». А я срываю с плеч рюкзак. Нащупываю в кармане пластиковый пенальчик – последний резерв, на самый крайний случай...

Снимаю темные очки, засовываю их в карман. Кошачьей походкой обхожу заросли боярышника. И открывается то, что морозом в позвоночнике уже ощутилось там, на дороге.

Я успеваю рассмотреть все с болезненной ясностью – будто лесной сумрак озаряют молнии.

Рыжий, по пояс голый толстяк, склонился над телом девушки. Только теперь он не выглядит заурядным двуногим мудаком – бугры мышц проступают под кожей, как у раскормленного, но опасного зверя. В вытянувшейся физиономии мало человеческого – рот похож на крокодилю пасть с торчащими клыками. Кровь капает с них, брызгает во все стороны из разорванного горла девушки...

Но она еще жива, еще хрипит, вздрагивая обнаженным, мертвеющим телом.

Пока не умерла и вторая. Хотя скорчилась от невыносимой боли возле сухой сосны. А чернявый, смазливый впился пальцами в ее голову и кривит в экстазе пухлые губы, медленно вытягивая ее жизнь. Этот второй – элитная разновидность *высших*, чтобы убить, ему не надо проливать кровь...

Долю секунды чудится, что меня не видят. Или не придают значения? Кто осмелится их остановить?

Только безумец.

Я жму спусковой крючок – целюсь в толстого. Но его больше нет там, над изувеченным телом. Гулкий хлопок словно запускает заевший стоп-кадр. И два упыря бросаются на меня с нереальной для человека скоростью.

Размазанные по воздуху силуэты. Дуновение воздуха...

Мимо!

Я оказываюсь правее и стреляю еще раз – почти в упор. Вижу, как летящий комочек металла вонзается в тело рыжего.

Отчаянный рев. Ага, непонятки! Ведь человек не может быть таким быстрым! А они начинают казаться мне медленными – слишком медленными для упырей...

Может, оттого что застал их врасплох?

Я успеваю пальнуть третий раз – до того как чернявый, словно выросший из воздуха, одним ударом вышибает мой пистолет. Еще удар – и я оказываюсь на земле – с гудящей, словно колокол, головой, с соленым привкусом во рту.

Вот и все...

Чернявый нависает сверху. Весело оглядывается:

– Он твой!

– Спасибо, Р-р-рафик, – урчит рыжий. Дырка в его боку почти уже затянулась. Он делает ко мне шаг – неторопливо, с ленцой.

Правильно, куда я уже денусь...

Оба оказываются рядом, почти на одной линии.

«Пора!» – отчаянно вспыхивает в мозгу, и непослушные пальцы переламывают стержень *морилки* – той самой, что я приготовил еще у дороги.

Острые нечеловеческие клыки мелькают у меня перед лицом. А потом сознание гаснет – словно кто-то нажал выключатель...

Очнулся я от прикосновения ладони. Вздрыгнул, открыл глаза. И увидел над собой лицо девушки.

«Что за кукла?» – удивилось сознание. Но тут в мозгах прояснилось, и память подсказала ответ.

Я сморщился.

– Ты как? – встревоженно прошептала девушка.

Дурацкий вопрос.

– Хреново, – отозвался я откровенно. И кое-как сел.

Повернулся и увидел рядом тело толстого упыря – с раздробленной башкой, словно в нее несколько раз пальнули в упор. Хорошо смотрится, оптимистично. «Попробуй теперь регенерировать, козел!»

– Это ты его... уделала?

– Ага, – выдавила девушка.

– Молодец, – я попытался встать, но голова до сих пор кружилась, и пришлось опять неуклюже опуститься на землю.

Сейчас, вот маленько отдохну. Осмотрюсь...

Черт!

– Где второй? – хрипло выпалил я.

– Там, – махнула она ладонью, – Когда рыжий упал... этот, Рафик, он будто окаменел – как статуя...

«Ну да, ведь *морилка* сработала!»

– ...А я... сначала тоже боялась шевельнуться, а потом... – ее подбородок задрожал.

Только истерик нам не хватало.

– Как тебя зовут?

– К-ка... Катя, – всхлипнула она.

– Очень приятно. А меня – Глеб. Значит, когда их вырубило, ты подняла пистолет и прикончила рыжего. А чернявый...

– Он вдруг начал шевелиться...

«Прыткий, гад!»

– И ты в него тоже пальнула? Умница!

– Он упал там, в кустах...

– Хорошо, Катя. А сейчас помоги мне подняться!

Опираясь на ее плечо, я обрел вертикальное положение. И скривился от тупой боли в боку – ребро треснуло или что похуже?

Мир вокруг завращался бешеной каруселью. Я сделал шаг, качнулся в сторону дерева и обнял ствол. Пару мгновений отдышал, справляясь с тошнотой.

Да, в этот раз «ускорение» далось мне нелегко. Но это мелочь. Куда хуже то, что пришлось истратить единственную *морилку*...

Я повернул голову. Снова увидел тело другой, мертвой девушки.

Отпустил ствол дерева, шагнул ближе. И почудилось, ее широко раскрытые глаза глянули на меня с немим укором. Я поднял клочья сорванной с нее одежды и прикрыл ее лицо. Кое-как укрыл обнаженное тело – хотя сейчас в этом было мало смысла...

Ей уже все равно.

К ней никто так и не пришел на помощь...

– Глеб... Они... как звери.

– Хуже. Намного хуже, – взял висевшую на сучке куртку мертвого упыря и накинул на вздрагивавшую Катю. Она прижалась ко мне и опять всхлипнула. Я неловко погладил ее волосы:

– Ну-ну... Все ведь позади.

Очень на это надеюсь. Во мне боролись досада и жалость – рвущая душу, недостойная *трикстера*. «Последняя *морилка*... Но ведь не зря?»

Забрал у Кати свою «беретту» и глянул в сторону кустов. Второго мерзавца все равно надо проверить. А если что – сделать контрольный выстрел.

Я мягко отстранил девушку и заковылял туда, где должен валяться труп чернявого.

Раздвинул кусты... И оцепенел.

– Катя! – позвал я осипшим голосом.

– Что? – долетел ее испуганный шепот. Она подбежала. И тоже глянула за кусты.

Трупа не было.

Зато след угадывался – едва различимый кровавый след на примятой траве. В сторону поселка.

– Значит, упал, говоришь. Ты куда стреляла-то?

– В спину, – выдавила она растерянно.

Я выругался сквозь зубы.

Все шло кувырком. Рафик оказался умнее. Или трусливее.

– Мы... можем его догнать... – пролепетала Катя.

Я всмотрелся в заросли и качнул головой. Только девушке и позволительно озвучивать такую глупость. До поселка меньше ста метров. И если уж Рафик сумел уползти, значит, давно сумел вызвать своих на подмогу...

– Уходим отсюда!

– А как же Люба? Ее надо похоронить...

Я сгреб блондинку в охапку, слегка встряхнул – может, это и грубо, но время для нежностей кончилось:

– Хочешь, чтоб нас закопали рядом с подругой?

– Нет...

– Тогда делай, как скажу!

Мы вернулись к дороге. Я выкатил из кустов мотоцикл – вроде с ним все в порядке. Забрал у мертвого охранника двадцатизарядный «глок» и бумажник – в нашей ситуации глупо чем-то брезговать. Пистолет вручил Кате, а бумажник сунул себе в карман. Навьючился рюкзаком, кулек с харчами достался девушке:

– Постарайся его не выронить.

Должен я сегодня, в конце концов, позавтракать!

Мы оседлали мотоцикл. Катя робко обняла меня за талию.

– Не-а, так не пойдет. Держись крепче – если слетишь, возвращаться не стану!

Она испуганно обхватила меня изо всех сил. И я вдавил кнопку стартера. Полотно укатанной грунтовки летело вперед. Набегавший ветер холодил лицо. Шлем я отдал Кате. Так мне легче следить за дорогой и окружающим лесом. Пока вокруг обманчивое спокойствие. Пустая дорога и ни души кругом. Даже сквозь темные очки хорошо просматривается редкий кустарник справа и слева. А лес давно перешел в светлый, наполненный солнцем сосняк и тоже не обещает сюрпризов. Я помню карту. Через пару километров – свернуть налево. Там старая дорога – сквозь пару мертвых деревень она выведет нас напрямиком к точке базирования... То есть меня выведет.

А симпатичную девушку Катю придется посадить где-то по дороге.

Я и так помог ей больше, чем надо...

В книжках это всегда выглядит идеально – смелый герой спасает красавицу. Но в реальности герои только по глупости вляпываются в такие передрыги. И один китайский аккумулятор бывает важнее целого гарема спасенных дурочек...

Что это?

Какого лешего она дергает меня за куртку?

Ага, уже и сам могу разобрать.

Характерный гул... Где-то впереди?

Вертолет.

Все ближе... Но пока неразличимый за вершинами деревьев.

Случайность?

Может быть... Посреди редколесья мы как на ладони. Все-таки лучше переждать. Свернуть с дороги, укрыться вон там, в низине среди густого ельника...

Заглушил мотор.

Сделал глоток воды из бутылки.

Пора бы опять рвануться к дороге. Но вместо этого мы до сих пор ждем, затаившись под разлапистыми ветками.

А проклятая «вертушка» наматывает круги – будто огромная хищная птица, высматривающая добычу. За эти минуты я хорошо успел рассмотреть ее закругленные синевато-желтые бока с полицейскими эмблемами.

Откуда такое счастье на наши головы? Ведь не могли они так оперативно среагировать...

Или могли?

Катя за моей спиной негромко всхлипнула. Я поморщился и шепнул:

– Дай сюда кулек.

Поганые предчувствия нарастали, но... К дьяволу! Дадим этим уродам еще минуту. А сами перекусим...

– Будешь сырок? – деловито спросил я спутницу. Вместо ответа она, как припадочная, вцепилась в мое плечо. Что за истерика? – Если не хочешь, просто скажи, – дернул я рукой. Прожевал кусок и запил кефиром.

Порывы ветра от вертолетных винтов раскачивали вершины ближайших сосен. Ничего, нормальная обстановка для завтрака. Куда хуже – сдавленное всхлипывание у меня за ухом:

– Глеб... Они нас найдут... Глеб, надо уходить!

Вот глупая.

– Какая ж погоня на голодный желудок?

Недобитый Рафик успел поднять тревогу максимум полчаса назад. Даже из-за нападения на *высиших* не станут так быстро присылать вертолет...

Вертолеты...

Я вздрогнул, вслушиваясь.

И четко различил вдали еще один источник нарастающего гула.

Тьфу!

Выплюнул кусок батона, торопливо допил кефир. Кажется, завтрак накрылся...

Вторая «вертушка» приблизилась и зависла впереди, точно над дорогой. Эта вторая – куда крупнее. И уже темнеют распахнутые проемы в ее желто-синих боках – оттуда летят, разматываясь, два каната. Проворные фигурки в камуфляже скользят вниз по натянутым «хвостам»...

Быстро. Очень быстро...

Я уронил кулек с оставшимся харчем на землю. Хрипло матернулся:

– Всего-то один дохлый упырь...

– Он... он – племянник губернатора, – сбивчиво зашептала Катя.

Я криво усмехнулся – значит, питерский клан? С каждой минутой все веселее!

– А раньше не могла предупредить?

Хотя... Что бы это изменило?

– Держись! – скомандовал я. И вдавил стартер.

Первую сотню метров мы пролетели незамеченными. Думаю, там, у дороги, рев вертолетных турбин начисто глушил шум от мотоциклетного движка. Тем более что я забирал правее – так, чтоб между полицейским десантом и нами оказалась гряда поросших кустарником низких холмов.

Павшая хвоя проминалась под колесами. Чем дальше от дороги, тем сильнее мы увязали в песке. Но все равно лихо двигались вперед!

Полкилометра... Лишь полкилометра надо одолеть по дуге и опять вырваться на твердую грунтовку, раньше, чем редколесье перейдет в болотистую низину.

«Давай, Глеб, сделай их. Это ведь даже не ОКАМ, обычные полицаи!» – вспыхнула азартная мысль. А миг спустя автоматные очереди ударили слева, вышибая с деревьев щепки и куски коры.

Черт! Наверное, нас засекли с ходившей кругами первой «вертушки» – засекли и сообщили десанту.

Я вдавил газ, вздымая облака песка и пыли из-под колес, выжимая из «Фалкона» все, на что он был способен.

Мы мчались, проламывая кусты боярышника. И все равно – слишком медленно! Это ведь мотоцикл, а не летающий «джетпак»...

Еще одна очередь ударила ближе. Щепки посыпались на голову.

Катя вскрикнула.

«Ранена?»

Нет, по-прежнему сидит, крепко в меня вцепившись, – значит, пустяки! Значит, максимум царапина!

Кусты укрывают нас от тех полицаев, что у дороги... Но не от тех, что в небе! Оттуда, из-за сосновых крон, загрохотало, и рядом взметнулись фонтаны песка.

Я дернул руль влево – так резко, что мы едва не упали. Висок обожгло болью – мелочь, камешком оцарапало. Еще рывок – под вон ту кривую сосну... Едва успеваем ее проскочить, как сосна начинает заваливаться набок. Дровосекам такое не снилось!

«Не укрыться... – отчаянно мелькает в голове, – достанут... Сейчас достанут!»

Но и через десяток секунд мы еще живы.

А многоствольный пулемет продолжает работать, методично вспахивая землю, поднимая тучи пыли и сухих сосновых иголок. Будто в удивительном, смертельном аттракционе, сверху падают срубленные ветви...

Нас гонят к дороге? Неужели и правда решили взять живыми?

Ладно!

Я круче заложил вираж, поворачивая в сторону проселка. Пусть думают, что я сдался!

«Фалкон» проломил кусты у обочины. В эту секунду монотонный голос заревел из полицейского динамика:

– Немедленно остановиться и бросить оружие! Немедленно...

Мотоцикл проскочил кювет, вылетел на дорогу. И длинная пулеметная очередь тут же взрыхлила грунтовку меньше чем за шаг от нас.

– ...остановиться и бросить оружие!

Я вывернул руль, резко ударяя по тормозам, – так что взвизгнули колодки. И уперся в землю ногами. Снял очки, аккуратно вытер их от пыли. Оглянулся.

Полиции уже бежали в нашу сторону. А Катя до сих пор судорожно держалась за мою куртку и смотрела на меня расширенными от ужаса глазами – даже через тонированное, запыленное стекло ее шлема я хорошо чувствовал этот взгляд.

Молча ей подмигнул.

Полез в боковой карман и вытащил оттуда плоскую коробку из серого акрила. Щелкнул крышкой, достал асимметричный шестигранник, блеснувший желтоватым металлом...

Нас и полицейских разделяло теперь около сотни метров – и с каждой секундой они приближались. Я машинально прикинул – человек двадцать.

С избытком хватит, чтоб сделать из нас решето....

Десантной «вертушки» больше не видать. Зато вторая – тут как тут, огромной хищной стрекозой висит над дорогой. И не собирается упускать добычу.

Пыльный вихрь, поднятый вертолетными винтами, ударил в лицо.

– Заглушить мотор! Отойти от мотоцикла! – пролаял мощный репродуктор.

Я неторопливо надел очки. И поднимая руки, крикнул:

– Сдаюсь!

Обернувшись в сторону Кати, добавил:

– Зажмурь глаза!

– Что? – непонимающе выдавила она из-под шлема. Я улыбнулся ободряюще и сквозь зубы повторил:

– Идиотка блондинистая, закрой глаза!

Кажется, она растерянно моргнула.

«Ну и хрен с тобой!»

Сам зажмурился и опять крикнул:

– Сдаюсь! – в этот миг золотистый шестигранник хрустнул под моими пальцами. И я просто разжал ладонь, роняя треснувшую вещицу на землю.

Тьма...

Красноватая тьма держится под веками так долго. Жутко долго бегут к нам полиция в бронежилетах, а мы ясно маячим у них на прицелах. И муторную бесконечность *тот*, в вертолете, подрагивает пальцем у гашетки, готовый одним движением сделать из нас кровавое месиво...

Но следом в глаза ударяет золото. Прекрасное, щедрое золото, хорошо прожигающее сетчатку на сотню метров вокруг – даже сквозь колпак вертолетной кабины...

Доля секунды... Все решает доля секунды.

Я вдавливаю ручку газа, бросая «Фалкон» вперед. А пулеметная очередь фонтаном взмывает землю в считанных сантиметрах за кормой мотоцикла. Я не могу этого видеть, зато чувствую – так ясно, что внутренности сжимает холодным ознобом.

«Успел!» – радостно мелькает в голове. «Успел!!!» – торжествующе поет сознание – при каждом толчке, пока мотоцикл вслепую несется через колдобины.

На целую долю секунды я обогнал палец пилота, ждавший у гашетки.

И потому могу лететь вдоль грунтовки, как на крыльях, словно ангел ада с плотно зажмуренными глазами...

Эйфория кончается, когда мотоцикл слетает в кювет. Меня подбрасывает в седле, швыряет через руль, но каким-то чудом я удерживаюсь. И даже до сих пор ощущаю на талии мертвый захват моей пассажирки.

«Держись, детка!»

Своим шлемом она больно приложила меня по плечу, но это ерунда!

Я открываю глаза – ведь нет больше ослепительного сияния. *Зарница* редко горит дольше пяти секунд. И теперь я снова могу вести свой «Фалкон»... Вперед, вдоль кювета!

Там, за спиной, длинные очереди раскалывают воздух, фонтаны земли взлетают поперек грунтовок... И крутится в воздухе хищная «стрекоза».

Пускай!

Пусть, как бешеная, плюется огнем, срезая придорожные деревья, роняя на траву килограммы гильз.

Теперь они палят вслепую.

Теперь им, тварям, еще месяц-другой придется все делать на ощупь!

Мы достигаем поворота дороги.

По ту сторону болотистой низины лес становится гуще, а земля тверже. Я сворачиваю на едва различимую тропу: непонятно, куда она ведет, главное – прямо в чащу, подальше от грунтовок.

На ближайшие минуты у меня начисто отбили желание ездить по накатанным трассам. А еще не дает покоя мысль о втором вертолете – тот был достаточно далеко, скорее всего, *зарница* его не зацепила.

Нет, к чертям главные дороги! Медвежьи углы – вот убежище *трикстера*. Даже если поставят на уши всю полицию области – пофиг!

Обломаются искать.

Высокая трава летит навстречу, распахивая зеленые объятья, терпкими запахами пронзая ветер. И невидимые под ней колдобины не подбрасывают, а как-то особенно мягко качают мотоцикл, отдаются внутри радостным: «Я таки их сделал!»

Странно, но сейчас на душе у меня куда легче, чем утром в безопасной заброшенной деревне.

Даже в боку теперь почти не болит.

Всего пара очередей из крупнокалиберного пулемета – и какой терапевтический эффект!

Ракетчик бы сказал: «Дураку мало надо для счастья». А умному – еще меньше...

Смешная штука жизнь – только на краю чувствуешь вкус. Или это мозги клинит после муторной, выматывающей недели ожидания?

Плевать! Не морочь себе голову.

Лети вперед – легко, как птица...

«*Лови фарт, трикстер!*»

Несмотря на давнюю контузию и свежее приключение с упырями – ты еще кой-чего стоишь. И с каждой минутой, с каждым километром – шансы растут...

Что за фигня?!

Я вдавил рукоятку тормоза, заглушил мотор, вывернул руль, прислоняя мотоцикл к дереву. И едва успел подхватить оседающее тело Кати. Ее руки разжались, а голова безвольно свесилась вбок.

Я уложил девушку на траву, кое-как торопливо, неуклюже справился с ремешками и снял с нее шлем. Лицо Кати оказалось мертвенно бледным. Только сейчас я обнаружил, что правая штанина ее джинсов вся пропитана кровью – на черном вельвете это было не так заметно...

«ИДИОТ!» – гулко отдалось в висках. Идиот, возомнивший себя героем.

Там, на дороге, ты почти ловил кайф, оттого что смерть прошла в считанных сантиметрах. Будто азартный игрок, швырнувший все на кон, почти наслаждался близким, холодным дуновением...

Идиот!

Тебя не тронула. А девушку зацепила...

Я сорвал с плеч рюкзак, лихорадочно дернул застежки на липучках, извлекая пластиковую коробку со скудной походной аптечкой.

– Сейчас...

Сперва распороть пробитую штанину. Дырка от пули – выше Катиного колена, отверстие кажется таким маленьким, даже не верится, что через него вышло столько крови. Жгут... перетягиваем бедро выше раны. Делаем укол антибиотика, чтоб не было заражения. Бинтуем ногу.

– Потерпи, милая... – шепчу, словно в бреду, – сейчас... я все сделаю.

И с ужасом понимаю, что сделать-то могу слишком мало.

Больше, чем на лекарства, я всегда рассчитывал на свой фарт.

«Массивная кровопотеря» – так говорят врачи. А у меня в аптечке – только зеленка, антибиотики да промедол. Ни кровезаменителя, ни «нанококтейля», ни хотя бы капельницы с физраствором...

Все это есть в аптечке нашей «Газели» – Кид заранее подготовил. Только сколько уйдет времени, чтобы кружными, безлюдными тропами добраться в нашу деревню?

Я осторожно коснулся руки Кати и нащупал пульс – совсем слабый, редкий... Удивительно, как вообще она продержалась так долго, – километров на пятнадцать успели мы удалиться от дороги.

А сейчас... сейчас она просто будет умирать у меня на глазах.

И я ничего...

– К дьяволу! – прохрипел, сплевывая на траву.

Сорвал с себя куртку. Прямо поверх футболки накинул лямки рюкзака. Бережно поднял Катю, усадил перед собой на мотоцикл.

Она застонала, открывая глаза.

– Потерпи, – шепнул я. Аккуратно обмотал ее тело своей курткой, привязал к себе – рукава крепкие, должны выдержать.

Вдавил кнопку стартера. И через несколько минут повернул мотоцикл на уходившую к северу прогалину – туда, где должен быть ближайший поселок.

Глава 4

Мотоцикл подпрыгивал на ухабах, а перед глазами у меня, как наяву, маячила карта.

«Меньше десяти километров!»

Я успею. Обязан успеть.

Есть же еще время до того, как полицаи начнут прочесывать деревни в округе. Должно остаться – хотя бы час...

«Один час!»

Я шептал это вслух – как заклинание, когда из-за крайних деревьев вдали показались дома. Память не обманула!

Я притормозил, внимательно вглядываясь, – поселок лежал в низине, и ближайший его район хорошо просматривался.

Вроде все спокойно. Лениво побрехивают собаки, где-то мычит корова. Безмятежность царит в тронутых багрянцем садах. Почти деревенская идиллия, которую я не собираюсь нарушать...

Плохо, что Катя уже не открывает глаза. Ее тело плотно примотано ко мне курткой, но я почти не чувствую дыхания девушки.

Вперед!

Мотоцикл проломил жидкий кустарник вдоль опушки, мягко съехал по склону, и я вывернул руль, сворачивая на накатанную грунтовку.

Метров через пятьдесят, у обочины, рядом со вспаханным полем, стоял трактор. В его внутренностях увлеченно ковырялся щуплый мужик в телогрейке.

Я остановился, не заглушая мотора.

Тракторист удивленно повернул голову.

– Добрый день, – озвучил я как можно спокойнее, – не подскажете дорогу к фельдшерскому пункту?

Мужик застыл с приоткрытым ртом, рассматривая Катю, безвольно свесившую голову мне на плечо.

– ...твою мать! – хрипло, но внятно добавил я. – Ты что – по-русски не понимаешь?

– Понимаю, – сочувственно встрепенулся тракторист, – девчонка совсем плохая, да?

– Где найти доктора?

– Как где? – пожал он плечами. – В райцентре, конечно. Вон там свернешь на главную улицу и напрямик к трассе. А дальше...

Он подробно объяснял, как добраться в тот самый городок, из которого мы едва унесли ноги. А я молчал. И мысленно матерился.

Пометки на карте обманули.

Поднял глаза на тракториста и спросил с угасающей надеждой:

– Есть у вас аптека?

– Есть. Только ее уже лет пять как закрыли.

Я вздохнул, стискивая зубы.

«А чего ты ждал, дурак? Что упыри из «Высшей России» до космических высот подняли провинциальное здравоохранение?»

Смешно. Так смешно, что хочется волком выть.

– У кого-нибудь в поселке можно достать лекарства?

– Лекарства? – задумчиво повторил тракторист, сдвигая на лоб засаленную кепку. В этом положении он оставался целых пять секунд – так что мне захотелось поднять с дороги камень и швырнуть в его грязную телогрейку. К счастью, он очнулся раньше:

– Слушай, а ведь у Галунова все должно быть!

– И где найти этого... Галунова?

– А чего его искать – видишь, большой двухэтажный дом на краю. Вон тот, самый шикарный...

– Вижу, – буркнул я, вдавливая рукоятку «газа».

– Только он все равно не даст, – вдогонку крикнул тракторист.

Ничего, я умею уговаривать!

Уже через пару минут я барабанил в новенькие стальные ворота. Звонок тут имелся, но внутри никакой реакции на вдавленную до отказа кнопку – если не брать во внимание отчаянного лая двух хозяйских ротвейлеров.

Я вздохнул, прислонившись к металлическому забору. Рядом на куртке, постеленной поверх травы, лежала бледная, как мел, Катя. Секунды тянулись, будто резиновые.

«Вдруг и правда там никого нет?»

Я внимательно окинул взглядом ближайшие к забору деревья, безлюдную улицу... И через минуту оказался внутри – на крыше гаража. Как раз в этот момент от крыльца донеслось лениво-сонное:

– Кто там ломает ворота?

– Извините за беспокойство, – хрипло ответил я. – Срочно нужны кровезаменитель и «наноккоктейль»...

– Да пошел ты! Здесь не аптека! – на автомате буркнул хозяин и тут только сообразил, что голос доносится совсем с другой стороны. Растерянно повернул голову и вытаращился на меня круглыми глазами. Под разгрузочным жилетом, обтягивающим его упитанный торс, явно угадывалась кобура, но что-то удержало его от необдуманных действий. То ли природная доброта и гостеприимство. То ли маячившая у меня под мышкой «беретта»...

– Собак убери, – мягко предложил я. Вроде мелочь, а неприятно.

Ротвейлеры внизу буквально захлебывались.

Галунов судорожно кивнул и бросился привязывать псов.

Я аккуратно спрыгнул с гаража.

В боку почти не болело, и ничто не мешало конструктивному общению. Хозяин проворно, почти суетливо открыл ворота, и я закатил мотоцикл внутрь. Потом Галунов помог занести Катю в дом.

Здесь нашлось все, что нужно.

Во-первых, я поставил капельницу с кровезаменителем. Раньше у меня был кое-какой опыт, тут главное – попасть иголкой в вену. Пока синеватый живительный химрегент вливался в сосуды девушки, я разрезал бинты у нее на ноге и обработал рану «наноккоктейлем». Ранение было сквозное, так что теперь дырка должна быстро затянуться.

То есть дня за два...

Жаль, что столько у нас нет.

Я с сомнением глянул на циферблат хозяйского антикварного будильника. Все, что есть в запасе, – максимум час. И это со скидкой на медлительность провинциальных полицейских.

Сначала дохлый упырь из губернаторской семейки, потом милое приключение с десантниками. Называется – «тихо съездил за покупками»! Даже если б специально хотел разворошить это осиное гнездо – вряд ли управился лучше.

Я устало прикрыл глаза, откинувшись в кресле рядом с диваном, на котором лежала Катя. *Трикстеру* по кличке Тень опять остается надеяться на удачу – на то, что ее хватит на двоих.

Мы не успеем докапать даже одной упаковки кровезаменителя. Но хоть что-то успеем. Хоть что-то сделаю для девушки, которая поверила в мою помощь...

– Даже не думай! – процедил я сквозь зубы, медленно поворачиваясь к хозяину.

Упитанный Галунов застыл, как примороженный. Я поднялся и открыл дверцу комода, возле которого он сидел, – внутри оказалась портативная радиостанция. Мобильник и пистолет успел отобрать у него раньше.

– Да я ничего, – пробормотал Галунов. – Просто хотел сделать громче... – он кивнул на пульт от телевизора, лежавший на полке комода.

Угу.

«Зомбоящик» по-прежнему работает, и как раз показывают интересную передачу. Я взял пульт и сам добавил громкости.

– ...разыскиваются члены банды, виновные в многочисленных грабежах, терактах и убийствах...

А на экране маячила фотография Кати, наверное, взятая с ее страницы в «Фейсбуке» или «Одноклассниках» – там она была улыбающаяся, безмятежно счастливая...

– ...уже установлена личность одного из участников банды. Катерина Смирнова лично участвовала в нападении на сотрудников правоохранных органов.

Это что, губернаторский упырек был сотрудником? Ну-ну... Зато моей фотки пока нет – хоть одна приятная новость.

– ...Смирнова и ее сообщники также подозреваются в нападении на поселок Микулино. В результате этого жестокого преступления погибли более ста мирных граждан...

Я вздрогнул. У меня перед глазами с болезненной ясностью встала картина из памяти. Сгоревший поселок... А за большим зданием у главной площади – тела... не меньше десятка тел. Часть из них – не тронута огнем, зато с рваными ранами на шее. С очень характерными ранами – следами от упырьих зубов...

– ...Преступники не щадили даже детей и женщин...

Я стиснул кулаки, едва удержавшись, чтоб не запустить в экран хозяйской хрустальной пепельницей. «Твари, до чего ж подлые твари... Значит, вот что хотите на нас повесить?»

Ну да, как еще разжечь ненависть к Невидимой Армии – уж точно не рассказом про убитого высшего...

Я повернул голову, перехватывая взгляд Галунова, и сухо объяснил:

– Вранье. Нас там не было.

– Да, знаю, – с готовностью кивнул он, – Ведь эти микулинские сами нарвались – отказались платить нашему клану...

– Вашему?

– Ну, тем, которые район держат... – торопливо добавил Галунов, – Типа, раз платим питерским, значит, местные не при делах. Еще и в сборщиков стреляли, правильных пацанов искалечили. Совсем оборзели! – Он испуганно моргнул и после паузы уточнил – ... В смысле, это ж не по понятиям.

Я растянул губы в улыбке, изучая его рыхлую физиономию:

– А ты, значит, в курсе местных раскладов?

Галунов побледнел. Целую секунду мы молча глядели друг на друга. Нет, я не хватался за пистолет, но, кажется, он что-то рассмотрел у меня в глазах. Потому что вдруг скатился со стула, падая на колени, и полузадушенно захрипел:

– Не при делах я, мамой клянусь!!!

– Это хорошо, что ты вспомнил о матери...

– Честное слово!!!

– Заткнись!

В чистой большой комнате мне вдруг стало мерзко и душно.

Я стиснул зубы. Аккуратно достал «беретту» из кобуры. Глушитель был давно привинчен.

– Пощади! – мертвея лицом, выдохнул хозяин.

Но я не выстрелил, хотя очень хотелось. Вместо этого приложил палец к губам:
– Тс-с...

Какой-то новый звук долетал с улицы. Я убрал громкость телевизора и замер, вслушиваясь.

Похоже на мотоциклетные моторы? Звук нарастал. Кого там еще принесло?

Не упуская Галунова из виду, я шагнул к окну. Жаль, забор – слишком высокий, улица не просматривается...

А моторы затихли. Совсем рядом?

Зарычали привязанные во дворе ротвейлеры. Спустя несколько секунд кто-то позвонил во входные ворота.

Ну-ну... Будем считать, что хозяев нет дома.

Звонок повторился. Потом чей-то кулак забарабанил по металлу.

Настойчивые...

– Ты ждешь гостей? – уточнил я у Галунова.

– Не-ет, – выдавил он.

Дверь загрохотала, словно по ней били куском металла. Или пистолетной рукояткой. Там, на улице, кто-то громко матерился.

«Эти так просто не уйдут...»

Я покосился сначала на циферблат будильника, потом на прозрачную пластиковую емкость, от которой трубка тянулась к руке Кати. Емкость опустела меньше чем на половину.

Любой ценой надо выиграть время.

Я смерил Галунова пронизывающим взглядом:

– Жить хочешь?

– Х-хочу...

– Сейчас выйдешь на крыльцо и очень спокойно спросишь, в чем дело. Только без глупостей! Понял?

– Да, – судорожно кивнул он.

Я пустил его вперед. Галунов остановился у входной двери, щелкнул замком, открывая. Я ждал в темной прихожей за его спиной. Мой палец отдыхал на спусковом крючке.

– Кто там ломится? – угрюмо озвучил Галунов, высываясь на крыльцо.

– Галун, да ты че, охренел?! Мобильник вырубил, дверь не открываешь! Опять с утра глаза залил?

– Леха? Че за непонятки? Ты ж вроде вечером обещался...

– Варава тебе объяснит – какие непонятки! – рявкнул невидимый гость. – Гони товар, живо!

Галунов обреченно оглянулся. Я сухо кивнул.

Он крикнул:

– Сейчас! Хоть штаны надену...

– Можно подумать, мы тебя без штанов не видали, – донесся смех с той стороны забора.

Галунов захлопнул дверь и вернулся в дом. Под моим чутким контролем достал из комода сверток, запечатанный в черный пластик, и вернулся в прихожую.

– Отдашь сверток, закроешь ворота и вернешься, – шепотом объяснил я, – Дернешься – и пуля у тебя в затылке... Усек?

– У-усек...

– И морду – проще, – толкнул его в бок, – а то друзья обидятся...

Он спустился с крыльца и открыл стальные ворота. Через узкую щель мне была видна лишь спина Галунова.

– Ну, у тебя и рожа, – буркнул кто-то из гостей.

– А это он после вчерашнего, – хихикнул второй, – сам виноват! Не фиг было полировать коньяк самогонкой! На пару с Жирным выдули полтора литра...

– В натуре? Вот красавцы!

Следующие минут десять они со смаком обсуждали подробности вчерашнего вечера. А я стоял в темной прихожей и мысленно крыл их матом.

«Взяли пакет – и валите! Чего вам еще надо, уроды?»

Наконец радужные воспоминания иссякли. Галунов попятился во двор, но с той стороны его притормозили:

– Че, и в дом не пригласишь? И пятьдесят граммов корешам не набулькаешь?

«Этого только не хватало...»

– Да вас же Варава заждался...

– Ништяк, успеем!

– А у него, наверное, нету! – с издевкой предположил второй. – Наверное, сам сегодня с бодуна все вылакал!

– Пить без друзей – верная дорога к алкоголизму, – наставительно уточнил первый.

– Голова болит... Давайте завтра.

– Какой-то ты странный, Галун. Случилось чего?

Я прикусил губу. Спина хозяина маячила у меня на прицеле. Жаль, что остальных не видно...

– Да нормально. Говорю же, башка трещит.

– А-а... Ну это неудивительно, – хмыкнули с улицы.

– Ладно, бывайте, пацаны...

– Пока, Галун.

Хозяин уже собрался закрывать ворота, а я почти поверил, что в этот раз обойдется. Но в одно мгновение все пошло кувырком.

Из гостиной долетел стон.

Катя пришла в себя! Молодчина... Жаль, что так не вовремя. А я... я – идиот, не закрывший дверь в холл!

– Э-э, да у него там баба! – обрадовались из-за ворот.

Мягко, кошачьи ступая, я попятился. И не успел еще дотянуться до дверной ручки, когда, холодея, услышал:

– Глеб!

– Какой еще «Глеб»? – возмутились с улицы, – Че за хрень у тебя там творится, а?

Я шагнул ко входу и увидел, что Галунова уже отпихнули в сторону. Здоровый бородач в кожаных штанах и жилетке влетел во двор – в руке у него был помповый дробовик. За долю секунды я хорошо рассмотрел каждый волосок на квадратной физиономии гостя...

И надавил спуск «беретты».

Пара хлопков.

Точно знаю – не промахнулся.

Но бородач, словно не замечает, одним прыжком одолевает крыльцо. Отброшенная мощным ударом дверь сшибает меня с ног. «Бронежилет!» успеваю я сообразить. Но слишком поздно – пистолет вывалился из контуженной руки.

С рефлексами у меня вообще швах – как бывает всегда после «ускорения».

Пытаюсь вскочить и получаю еще удар – кованым сапогом. Оказываюсь на полу в холле. Он покрыт мягким ковром – но от этого нисколько не легче. Потому что бородач скалится, нависая надо мной горой мускул:

– Откуда такой борзый, хиляк?

Я достаю нож из кармана на штанине. Бородач изящно помахивает стволом дробовика и скалится еще шире:

– Ну, попробуй, доходяга!

Ясно, что у меня нет шансов. Правда, у ножа шансов больше.

Я вдавливаю выемку на гарде. Лезвие вылетает из рукоятки. И проносится намного выше фигуры бородача.

– Промазал, идиот! – весело комментирует он. Но я не рассчитывал так его прикончить – и смертельная ножевая рана редко дает гарантию от выстрела в ответ. Тем более что с этого расстояния из дробовика не промахнется даже ходячий труп.

Именно поэтому я целился выше.

И тоже не промахнулся.

Бородач перехватывает мой взгляд, кривится и не выдерживает – недоуменно смотрит вверх. Как раз в тот миг, когда тяжеленная бронзовая люстра падает ему на голову.

– Есть контакт, – шепчу я. Встаю, выдираю дробовик из его скрюченных пальцев. Подбираю с пола лезвие ножа и опять вставляю в рукоятку – *ведьмина сталь* слишком большая редкость, чтобы ею разбрасываться. Где еще найдешь лезвие, которое бы резало металл, словно картон...

Черт!

Опять падаю на пол. Автоматная очередь бьет по оконным стеклам.

Второй бандит, контролировавший дом с улицы, что-то заподозрил – наверное, вскочил на сиденье мотоцикла и теперь работает поперек забора из «калашникова».

Вслепую шмаляет. Зато патронов, сволочь, не экономит!

Брызги стекла разлетаются по гостиной.

– Мочи их, сук! – злобно и испуганно орет с улицы Галунов. В тон ему захлебываются лаем привязанные во дворе ротвейлеры.

К счастью, диван далеко от окон и частично скрыт массивным дубовым шкафом.

– Лежи, Катя, – выкрикиваю я. А сам взлетаю по лестнице на второй этаж. Распахиваю окно – то самое, которое прячется за разлапистой сосной в палисаднике. Еще с улицы его заметил...

Один прыжок, и я в новой точке, откуда хорошо видны подступы к дому. Бандит с автоматом разворачивается – услышал или догадался? Не важно, ведь я все равно раньше успеваю нажать спуск дробовика.

Минус второй!

Только радоваться глупо. Потому, что Галунова нигде нет. Кругом вообще безлюдно. Нежилые дома равнодушно таращатся выбитыми окнами. Ветер гонит пыль по дороге. Но, если вслушаться, через хриплый лай хозяйских собак можно разобрать, как где-то вдали, за одичалым садом, трещат ветки под быстрыми шагами...

«Называется, пощадил гада! Значит, скоро не только полицаи, скоро все местные бандиты сюда пожалуют...»

Чем дальше, тем веселее!

Я спрыгнул на землю. Вернулся в дом. И понял, что не зря потратил последние полчаса.

Катя сидела на полу и испуганно на меня смотрела. До сих пор бледная, но уже без того тусклого, безнадёжного блеска в глазах, который я давно научился угадывать.

– Ты сможешь идти?

– Я попробую...

Вытащил иголку из ее вены, заклеил место укола пластырем. Рану на ноге успел перебинтовать раньше.

Она встала, опираясь на диван, и покачнулась. Я подхватил ее и вынес из дома.

Ничего, будет жить. Конечно, если мы успеем вырваться из поселка!

В этот раз усадил Катю позади – чтоб удобнее маневрировать. Но по-прежнему крепко привязал к себе своей курткой. Сам я надел трофейную, слегка подпорченную дробью кожанку.

Возвращаться тем же путем не стал. Повернул мотоцикл влево, огибая развалины на краю поселка. И опять встретил знакомого тракториста.

Он приветственно помахал рукой.

Я притормозил. А тракторист заговорщицки мигнул:

– Слышал пальбу – значит, ты достал лекарства?

– Какую еще пальбу? А лекарством поделились добрые люди...

– Это Галунов, что ли? – засмеялся мужик.

– Не только. У вас в поселке – вообще такие все милые... Скажи, этой тропой я проеду через болото?

– Ага.

– Спасибо, – кивнул я, выжимая «газ».

– Только у опушки рули направо, – уточнил он вдогонку, – Тропинка влево – к Гиблому лесу!

Натужно гудел мотоцикл, шелестела осока, брызгала грязь из-под колес. Но с каждой секундой мы все ближе к спасительной чаще.

«Фалкон» почти достиг опушки, когда я услышал за спиной рев десятков двигателей. На изгибе тропы оглянулся и вдруг отчетливо понял: оторваться не выйдет.

Все, что я сэкономил, напрямую одолевая болото, – жалкий пустяк. Целая стая мощных мотоциклов, кажется, «Хонд», летела с той стороны камышей – более тяжелые, чем мой «Фалкон», зато куда более скоростные. По длинной дуге они объедут болото вдоль окраины поселка и, вырвавшись на укатанную тропу, за считанные минуты будут у меня на заправке.

«Лошадиные силы» кой-чего значат...

Но я-то – не лошадь!

У развилки путей притормозил. «Как там говорил тракторист – Гиблый лес? Что ж, мне подходит!»

Вдавил рукоятку «газа» и повернул налево.

Этой дорогой точно редко пользовались. А может, и вообще не ездили последние несколько лет. Высокая трава не примята. Иногда поперек пути лежали сломанные ветки. Один раз пришлось объехать поваленное бурей дерево.

Но лес пока не оправдывал громкое название.

Заурядные сосны проносились мимо. Налетавший ветер был пронизан обычным, хоть и густым запахом хвои.

И все-таки я еще надеялся, что у рвавшихся за мной бандитов с этим местом связаны куда более сильные воспоминания. Даже последние сволочи бывают до ужаса суеверными...

Через пару минут стало ясно – зря надеялся!

Рев моторов не думал растворяться вдаль. Наоборот, с каждой секундой он нарастал.

«Ищи выход, *трикстер*...»

В конце концов, несолидно – столько раз ускользать из самых поганых ловушек Зоны и вдруг тупо окочуриться от бандитской пули!

Выход... Только где? Хоть бы кто подсказал.

Сколько ни оглядывайся – направо и налево лишь однообразная стена леса. Но эта дырявая стена не укроет нас от погони...

Стоп! А что это там белеет?

Я круто поворачиваю руль, проламываю тянувшийся вдоль тропы кустарник. Одолеваю заросшую болотной травой низину, опять вырываюсь на твердое место. И понимаю, что мне не показалось.

Стена тумана встает впереди – совсем близко, меньше километра!

Я до капли выжимаю из мотоцикла все, на что он способен. И успеваю влететь в молочную пелену как раз тогда, когда сзади начинают грохотать выстрелы.

Кто-то бы удивился – откуда в ясный день это белое, осязаемо плотное наваждение. Но я знаю, что в таких районах бывают вещи и покруче. Целые автоколонны растворяются, будто ложка сахара в кипятке...

Туман – плохое место.

Только не сейчас и не для меня!

Видимость – меньше пяти метров. Стволы деревьев, будто живые, сами бросаются под колеса. И каждое – как готовый памятник на твоей могиле.

Но я не сбавляю скорость.

Ведь тем, кто дышит мне в затылок, – ничуть не легче. И мысль об этом помогает безошибочно выбрать путь, уловить в белом мареве едва различимые стволы сосен, вовремя крутануть руль, объезжая кочки и выбоины.

Грохочут выстрелы. Изредка пули сшибают ветки.

Но я знаю – палят вслепую! Они и друг друга почти не различают...

Звук глухого удара – там, позади.

Ага, минус один! Кто-то из особо рьяных байкеров поцеловался с сосной!

Они сбрасывают скорость – я чувствую это по слабеющему с каждой секундой гулу моторов.

«Оторвался!»

Почти слившись с «Фалконом» в единое целое, я мчусь сквозь дымку, как призрачный парусник, как лист на ветру. И кажется, что сам становлюсь частью этого проклятого и завораживающего места...

Только прикосновение Кати, только тяжесть аккумулятора в рюкзаке за спиной до сих пор связывают меня с реальностью, хрустальным звоном отдаются в висках: «Лови фарт, *трикстер*, лови фарт!»

Туман – пустяки...

Лес – пустяки.

Я смогу их одолеть. Потом, когда окончательно затихнет растворяющийся звук тяжелых мотоциклов. С каждым метром эта минута ближе...

«ГЛЕБ!» – отчаянный вопль подсознания словно выводит меня из ступора.

Взвизгивают тормозные колодки, руль, как бешеный, идет вбок, едва не ломая пальцы.

Подняв облако пыли, «Фалкон» останавливается.

Замирает на берегу реки – у самого края, над обрывом.

«Называется, приехали!» – облизываю я вмиг пересохшие губы. Достая флягу и делаю длинный глоток. Озираюсь. Ветер поднимается с реки и чуть разгоняет туман, легкой рябью ложится на гладь. До этой глади вниз – метров десять.

Высоковато пришлось бы лететь!

Очертания берега изгибаются дугой. Я почти у вершины этой дуги. А ее продолжение вправо и влево тает в дымке у меня за спиной. Эта излучина – как западня.

Надо отсюда уматывать, пока банда байкеров не пришла по моему следу!

Направляю «Фалкон» вдоль берега. А река все изгибается в тумане, круче заворачивая на север.

Я уже двигаюсь почти навстречу погоне!

И ясно различаю там, впереди, нарастающий гул моторов.

Фигня! Если сумею с ними разминуться – проскочу. В этой дымке они и своих-то с трудом угадывают!

Я отчаянно успокаиваю себя этой мыслью. Но с каждой минутой ветер разгоняет белую пелену. И становится очевидно – не разминусь...

Там, где река опять начинает поворачивать к западу, я останавливаюсь. По звукам уже ясно – байкеры изменили построение. Лишь часть из них идет моим следом. Остальные широ-

кой цепью прочесывают лес – народу у них хватает. Там, у поселка, я видел не меньше трех десятков мотоциклистов, а Варавва – тот, кто ими командует, – отнюдь не идиот вроде Галунова.

Наверняка он знает про реку. И знает, что отсюда мне некуда деться.

Или почти некуда...

Я оглянулся.

То есть, конечно, можно попробовать спуститься по крутому обрыву. Без тяжелого рюкзака переплыть эту чертову реку.

Я бы, наверное, многое сумел.

Если бы речь шла только о моей жизни...

– Катя, – сказал я, развязывая соединявшую нас куртку. – Ты останешься здесь.

– А ты? – испуганно прошептала она.

– А я чуток прогуляюсь, – улыбнулся, слезая с «Фалкона» и прислоняя его к дереву.

– Ты меня бросаешь, – прозвучало словно утверждение.

– Не-а, этой фазы наш роман еще не достиг. Сиди возле мотоцикла...

Обойдя заросли черники, перебежками, от куста к кусту я двигался на северо-восток – если правильно определил направление. Во всяком случае, звуки моторов нарастали. А я бежал им навстречу. И конечно, не с голыми руками.

Артефакты я уже истратил. Зато разбогател обычным «железом».

Трофейные помповый дробовик, «АКСУ» – укороченный полицейский «калаш», «стечкин» и моя собственная «беретта» – вполне достаточно для того, что я задумал...

Стоп!

На секунду замер, всматриваясь. Ага, вроде удобное место.

Я спустился с пригорка, пересек болотистую низину. Дальше по кочкам рос редкий кустарник, за ним опять болото... В общем, вполне экологичный пейзаж.

Пора было дополнить его новыми деталями. Я вскинул автомат и короткой очередью пальнул в туман, навстречу еще невидимым мотоциклистам. Хрипло заорал:

– Все сюда! Он здесь!

Потом вернулся на пригорок и спокойно залег под кривой сосной.

Ждать пришлось недолго.

Сразу два байкера выросли из тумана: один двигался прямо на меня, другой – метрах в десяти левее. Теперь они не мчались, как стая оголодавших хищников, – нет, ехали осторожно, с опаской, вглядываясь во мглу... А в болотце их мотоциклы вовсе начали буксовать – один успел провалиться по самые оси.

Другой не успел.

Хотя результат оказался одинаков...

Магазин «АКСУ» опустел. Я отсоединил его и аккуратно прищелкнул новый.

Как раз вовремя, чтобы общаться с третьим – он вылетел на меня справа. Этот заметил мертвых подельников, выругался и попытался развернуть тяжелую «Хонду». Только в глубокой грязи у него не слишком получалось...

Во всяком случае, пули долетели раньше.

Минус три!

Я облизал губы. Хорошо, но мало. А по сравнению с тем, что они творили в Микулино, вообще пустяк...

– Здесь он, здесь! – заорал я в туман.

Идите же ко мне, бандерлоги!

Нет, я не надеялся прикончить их одного за другим.

Главное – приманить сюда большую часть стаи. И пока они будут кружить в тумане, ругаться, буксовать в болоте – у меня есть шанс по-тихому ускользнуть. Вернуться к мотоциклу и вырваться из облавы.

Почему бы и нет?

Ведь я не волк, а они не охотники. Они сами – то еще зверье...

Что-то грохнуло за спиной. Я рывком перекатился, вскидывая автомат. И в ту же секунду фонтанчики земли взлетели рядом с головой.

«Обошли!» – успел я подумать, нажимая спуск.

Длинная очередь встретила рождающиеся из дымки силуэты.

Один сразу накренился вбок – его «Хонда» вырвалась из-под седока и, налегке проскочив десяток метров, врезалась в сосну. А второй резко крутанул руль и сумел нырнуть в туман.

«Плохо! Пора менять диспозицию!»

Я метнулся к маячившему вдалеке, заросшему кустарником бугорку. Но не успел еще добежать, когда из пелены вылетел новый противник.

Я упал, вжимаясь в траву, совмещая прицельную планку и мушку поверх размытого темного силуэта.

Байкер мчался прямо на меня, не пытаясь отвернуть в сторону, не вскидывая на ходу дробовик, – хотя, конечно, слышал пальбу. И, конечно, он уже увидел меня в низкой траве.

«Хочешь раздавить мотоциклом? Попробуй!»

Но вместо этого он вдруг притормозил.

«Идиот!» – решил я, дергая пальцем туговатый крючок спуска. Автомат вздрогнул, выплевывая короткую очередь. Я бил наверняка, экономя патроны.

А байкер даже не качнулся. Он проехал еще метров пять и остановился на склоне пологого холма.

Доля нереальности ощутилась в этот миг. Ездок казался совершенно спокоен, словно пули из «калашникова» были чем-то вроде каприза погоды – типа легкого моросящего дождика.

«Опять броник?» – мелькнуло в голове, пока палец второй раз нажимал спуск. Я целился прямо в его ухмыляющуюся рожу. И с этого расстояния трудно было промазать в неподвижную, хорошо различимую мишень.

Очередь расколола воздух – за пару мгновений опустошила магазин, выбила щепки из ближайшей сосны.

А байкер... чертов байкер не шелохнулся. Остался сидеть в прежней расслабленной позе.

Я прикусил губу, чуть поднимаясь над травой: «Что за фигня?» Это казалось бредом – ожившим ночным кошмаром.

«Кто ты, мать твою?» Даже упыри не умеют мгновенно залечивать раны. Любая тварь на его месте давно бы уже корчилась от боли. Любой, кто создан из плоти и крови...

А может, и не из плоти?

Человек или призрак?

Легкий ветерок сильнее проредил туман. И я смог рассмотреть его уверенную физиономию. Слишком уверенную – будто любой мой поступок был ему заранее известен.

Байкер не выглядел туповатым громилой. Черты лица вполне подходили умнику с университетским дипломом во втором поколении. Легкая ухмылка кривила тонкие губы. И темные глаза изучали меня с холодным вниманием, как подопытную зверюшку.

«Ошибся, братан, я не хомячок!» – помповый дробовик, висевший за спиной, уже у меня в руках. Палец лег на спуск.

– А ты – упрямый, – леденяще усмехнулся призрак.

И в ответ ему грохнул выстрел – один... второй...

Верхние ветки полетели с кустов, срезанные зарядом шрапнели, дырками задымилась кора дерева у его плеча...

Третьего выстрела не было. Хотя в магазине еще хватало патронов.

Я опустил дробовик.

– Что, наконец дошло? – иронично подмигнул Варавва.

А кто ж еще? Теперь-то мне удалось разглядеть легкое дрожание воздуха, окутавшее его фигуру в момент выстрела. Комочки свинца разлетались, будто отклоненные неведомой силой...

И уж конечно, эта сила не могла принадлежать рядовому бандиту.

Неведомый артефакт ему помогал или удивительная мутация – один хрен, мне с ним не справиться. «Ну и мать его так!» – я вскочил, бросаясь в туман.

Только почти сразу замер, будто уперся в невидимую стену. Рев десятков мотоциклетных моторов долетел навстречу, а потом десятки силуэтов родились из дымки.

«Все-таки обложили...»

Кольцо замкнулось – пока я бездарно тратил время и патроны.

– Как видишь, глупо дергаться, – объявил Варавва. – Ты проиграл, *трикстер*!

Я оглянулся. Сейчас единственное, что оставалось, – выдавить кривую ухмылку в ответ:

– Такой большой, а не знаешь простого закона...

– Какого закона?

– Если имеешь дело с *трикстером* – ни в чем нельзя быть уверенным.

Он презрительно сплюнул на землю:

– Куда ты дел девчонку?

Я улыбнулся еще шире, озираясь вокруг. Больше двадцати человек уже обступили меня плотной цепью. И столько же стволов пытливо таращились на меня черными зрачками.

Можно пока корчить героя. Только себя обманывать глупо – эту цепь мне не разорвать.

Я медленно поднял ствол дробовика и приставил его к своей шее.

– Как это банально, – вздохнул Варавва.

– Ага, и скучно, – подтвердил я. – Может, составишь компанию?

Бандиты хмуро таращились, продолжая держать меня на мушке. А я смотрел поверх их голов – так, будто хотел навсегда запомнить окутанные мглой ветки сосен. Все-таки это нормальный лес – несмотря на туман. Не такое уж плохое место для финала...

– А ты забавный, – оскалился Варавва. – Ладно, дам тебе еще один шанс. – Он махнул рукой. – Расступитесь, пускай идет!

Байкеры переглянулись, но выполнили – в их цепи образовался широкий промежуток.

– Вали на все четыре стороны...

На мгновение наши взгляды встретились. И я вдруг понял. Вдруг ощутил себя самоуверенным дураком... Нет, не за мной шла главная охота. Это Катя вышибла мозги тому упырю – губернаторскому племяннику. И скорее всего, именно за ее голову обещана хорошая награда.

– Ну... – нетерпеливо прищурился Варавва. – А то ведь могу передумать...

Да, он знал, что Кате не уйти в одиночку – думаю, Галунов подробно ему доложил. А еще ему ясно – пока живой, я ее не брошу, сделаю все, чтоб ее спасти...

Он знал, что я приведу их прямо к девушке.

У меня же нет выбора.

– Давай, не тормози... – кивнул вожак байкерской стаи.

И когда я шагнул вперед, уловил в его в глазах радостный огонек.

Теперь Варавва не сомневался – все кончится быстро, без лишней суеты и прочесывания зарослей. Они возьмут нас обоих. И банда даже лишнюю минуту не задержится в этом поганом месте, совсем не зря получившем название «Гиблый лес».

Он заранее просчитал каждый мой шаг...

Я иду мимо байкеров. Они провожают меня взглядами, только ни один не двигается с места. Почти физически чувствую спиной их ненависть. Но, одолев пару десятков метров, останавливаюсь.

За спиной взрывает мотор.

Я оборачиваюсь. «Хонда» Вараввы выскочила вперед. Он почти ласково машет рукой:

– Ну, чего ждешь? Лови фарт, *трикстер*!

– Как скажешь, – шепчу я, отводя от шеи ствол дробовика.

Он ухмыляется:

– Последняя попытка?

Бандиты держат меня на прицеле. Но я и не собираюсь шпиговать кого-то из них свинцом. Знаю, мне не дадут сделать больше одного выстрела – особенно когда заметят то, что я успел увидеть первым.

Несколько секунд назад...

Рассматривать кроны деревьев – полезно не только для нервов.

Ствол дробовика до сих пор задран вверх – куда выше их перекошенных от злобного внимания физиономий. Я очень близко, но теперь нельзя тянуть – они тоже вот-вот разглядят... Всего-то и надо шевельнуть пальцем.

А удастся не сразу.

«Слишком близко!» – отчаянно сигналист подсознание.

«Ну и пофиг!» – отвечаю я, нажимая спуск.

Щелкает боек – громко, словно мое сердце. А вместо выстрела – те же удары отдаются в висках.

«Осечка?!» – холодом отзывается внутри.

Палец судорожно давит стальную скобу.

Второй раз – тоже ничего!

Я роняю дробовик на землю. Бандиты начинают смеяться – еще бы, *трикстер* оказался клоуном.

Я рву из подмышечной кобуры пистолет. Но Варавва качает головой:

– А вот это – лишнее! Медленно положи на землю и отойди в сторону, – его «винчестер» смотрит мне в лицо. Сам вожак байкеров косится вверх. Конечно, он уже заметил над собой притаившийся в сосновых ветвях *пузырь*.

– Хорошая попытка.

Я молчу, облизывая пересохшие губы. И медленно опускаю «беретту».

– Ну что, теперь ты действительно проиграл?

Пистолет ложится на землю. Я отступаю на пару шагов, сажусь на траву и медленно достаю носовой платок. Утираю пот.

А бандиты буквально угорают – трясутся от смеха, держатся за бока. Потом они обязательно меня убьют – жестоко, без лишней спешки, но сейчас... Сейчас я подарил им несколько секунд реального, по-детски безмятежного счастья.

Никто из них не замечает вывалившийся вместе с моим платком зеленовато-серый шарик.

И я успеваю раздавить его каблуком.

Глава 5

Мутная пустота...

Гулкие удары...

Влага...

Я что, упал в реку?

Не помню. Последнее, что отпечталось в памяти, – я опять притащил из Зоны горсть *хлопушек*. А отец снова меня отчитывал: «Ты ведь почти взрослый, Глеб, тебе тринадцать, нельзя дурачиться, будто первоклассник!»

Угу, директор уже вызывала его на прошлой неделе – после того как математичка Анна Сергеевна села на *хлопушку*. Но ведь сама же села! Я ее не заставлял. А визгу было на всю школу – хуже, чем если б математичка увидела *живоглота* у себя в кабинете.

Подумаешь, одна маленькая *хлопушка*, которая чисто случайно оказалась на ее стуле. Конечно, она этого не ожидала. Но ведь если б ожидала – согласитесь, было бы не так смешно.

И стоило вообще волноваться? Это ведь не артефакт – безвредная шутовина, похожая на петарду. Даже лучше, чем петарда, – абсолютно безопасная. Конечно, более громкая – хотя еще неизвестно, кто громче – *хлопушка* или Анна Сергеевна?

Целый день потом звенело в ушах...

В этот раз – звона нет. Только голова слегка болит. И память наконец-то распаивает скрипучую дверцу.

Да, папа, в этот раз мы не трогали математичку...

Почти одновременно с грохотом *хлопушки* что-то вспыхнуло вверх и опрокинуло меня в темноту.

«Пузырь» сработал – от звуковой волны...» – буднично констатирует сознание. И умолкает, опять проваливаясь в забытие.

Неизвестно, сколько это длится. Я открываю глаза оттого, что кто-то тормошит меня за плечо:

– Проснись, Глеб!

Поворачиваю голову, кругом – белизна. Это стены? Не выходит толком рассмотреть – все расплывается перед глазами. Но сейчас мне лучше, намного. Голова прошла... Лежу на чем-то мягком... Кровать? Я что, угодил в больницу?

Кто-то рядом продолжает трясти меня за плечо:

– Глеб, ты что, меня не узнаешь?

Голос вроде знакомый, только лицо нельзя различить сквозь застилающую взгляд пелену.

– Привет... А ты...

– Это ж я – Андрюха!

– Угу, – слабо киваю. И в мозгах будто ржавые шестеренки проворачиваются: «Какой еще Андрюха? Одноклассник? Сосед по больничной палате?»

– Значит, не узнал, – грустно качает он головой.

Я растерянно моргаю. Пелена редет, а шестеренки в мозгах делают поворот.

– Почему ж не узнал... – Я вздрагиваю.

Он пытливо смотрит мне в глаза:

– Много лет прошло, да, Глеб?

– Много, – выдавливаю в ответ. Теперь я действительно вспомнил, где видел это лицо.

Но в тот, последний раз – оно было бледное, как вечернее небо, почти серое...

– Спасибо, что тогда вернулся, – говорит он.

А я молчу. Потому что слишком хорошо помню тело, завернутое в грязную рогожу. Помню торчащую из-под рогожи руку – холодную, как лед. И, как наяву, вижу четвертую от дороги могилу – на новом поселковом кладбище...

– Ты изменился, – говорит он.

– А ты – нет...

Он слабо усмехается:

– До сих пор таскаешь *товар* из Зоны и бегаешь от полицаев?

– До сих пор, – бормочу я.

– Стал настоящим *трикстером*?

– Не знаю, со стороны виднее... – Годы, будто один день, проходят перед глазами. И очень мало там светлого, недостойного забвения.

Жизнь до Сумерек – праздничный, нереальный сон. Но иногда кажется, что и в первые, самые страшные годы – мир был лучше. По крайней мере, мама была жива. И упыри еще не убили отца у меня на глазах...

– Говоришь, мир был лучше?

Удивленно поднимаю на него взгляд. Разве я сказал это вслух?

– ...А что ты сделал, чтобы он СТАЛ лучшим?

Я пожимаю плечами:

– Один человек может так мало.

– Так мало? – разочарованно моргает Андрюха Демин. И лицо его будто темнеет от гнева. – Нас с Серегой зарезали, как баранов... А ты... Тебе одному выпал шанс! И ты... ни хрена не сделал!

– Я убил «мясника»...

– Прикончить несколько негодяев – и сдохнуть?! – кричит Андрюха, и голос его становится громче с каждой секундой, он уже гудит, как огромная медная труба, – ЭТО ВСЕ, ЧЕГО ЖЕЛАЕШЬ?! ВСЕ, НА ЧТО ТЫ СПОСОБЕН?!

– Сдохнуть? – растерянно бормочу. – Я... не желаю сдохнуть!

– ТАК КАКОГО ДЬЯВОЛА ТЫ ВАЛЯЕШЬСЯ, СЛОВНО КУСОК ДЕРЬМА?! ЖДЕШЬ, КОГДА ОЧУХАЮТСЯ БАНДИТЫ?!

Он нависает надо мной – огромный, как гора, окутанная сияющим ореолом. И взмахом руки швыряет назад – в холод и боль...

Я вздрагиваю среди влажной тьмы. Отчаянным усилием поднимаю голову. Начинаю судорожно кашлять, выплевывая изо рта противную жижу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.